

ВЕРА ЧИРКОВА

СЕСТРЫ ТИШИНЫ. ГЛУПЫШКА

Глава 1

— Садись, Эста.

Невзрачная девушка в свободной блузе и серой юбке со множеством оборок незаметно скользнула взглядом по комнате, проверяя, нет ли подвоха в словах сидевшей за письменным столом женщины, и аккуратно опустилась на край стула.

— В этом году мы решили немного отступить от правил, — откровенно, но достаточно сухо сообщила хозяйка кабинета, — так как полностью обучение завершили трое, а контрактов предложено четыре. И тебе, как лучшей и освоившей сразу два ремесла, предоставлено право выбирать первой. Вот папка с предложениями, можешь думать до вечера. Если ничего не решишь, выберу, как обычно, я сама.

— Понятно, матушка. — Девушка осторожно приняла кожаную папку с бумагами, незаметно заглянула на ее тыльную сторону и тенью выскользнула из кабинета, поймав в отражении одного из камней дешевого на вид браслета удовлетворенную ухмылку настоятельницы. В своей комнате Эста сначала бросила на столик салфетку, затем, положив на нее папку, достала из кошелька перчатки и маленькую лупу в изящном футляре, замаскированном под пудреницу. Эта папка могла оказаться последней проверкой, и пренебрегать мерами предосторожности не стоило.

Однако в папке и в самом деле оказалось четыре запечатанных конверта. Все разные по величине, цвету и качеству бумаги и украшавшим их вензелям и печатям. И открыть можно было только тот, который выберешь.

Эста достала из папки последний предмет, небольшой листок, на котором рукой настоятельницы были небрежно написаны четыре имени и против каждого пометка: кокетка, тихоня, глупышка и болтушка, — прочла и на миг задумалась.

Безусловно, ей больше нравилось быть «тихоней», но напротив имени нанимателя, которое привлекло Эсту с первого взгляда, заставив лишь мельком осмотреть остальные, стояло — «глупышка», что было ее второй профессией, полученной в стенах этого необычного монастыря. Значит, придется побыть некоторое время «глупышкой», без сожаления вздохнула девушка, привычно сложила все бумаги в папку в том же порядке, в каком они там находились ранее, и направилась в кабинет настоятельницы. Неважно, что та отпустила ей на раздумье оставшиеся до вечера несколько часов, на самом деле матушка не любит тугодумов и не стоит понапрасну испытывать ее терпение.

— Выбрала? — остро взглянула хозяйка кабинета на вошедшую.

— Да, третий. — В монастыре Святой Тишины существовало незыблемое правило — не называть без особой надобности ни имен, ни титулов.

— Хорошо. — Лицо настоятельницы на миг исказила досада, но только на миг. — Держи. Можешь взять в гардеробе пять платьев, а в кладовой полный набор... и помни, первый экземпляр контракта остается здесь, а все остальное ты должна сжечь. Сопровождающие придут завтра утром. Иди и пошли сюда Розы.

Эста сунула в один из потайных карманов конверт, выданный матушкой, еле заметно кивнула и выскользнула из кабинета.

— Глупышка, — проводив ее взглядом, пробормотала настоятельница и позволила себе вздохнуть, — а жаль.

Сопровождающих было трое, кучер небольшой дорожной кареты и двое вооруженных всадников.

— Прощу, — тот из мужчин, которого Эста определила как командира маленького отряда, вежливо подал девушке руку, помог забраться в карету и решительно захлопнул дверцу.

«Властный, уверенный в себе... немного даже чересчур уверенный, ловкий и сильный... что же еще? — думала Эста, глядя на пробегающие мимо ели и сосны. — Пожалуй, подозрительный и, несомненно, умный. А вот к женщинам наверняка относится с пренебрежением, заметно было по тому, как он резко хлопнул дверцей, нисколько не заботясь о покое спутницы. Или не ко всем женщинам, а только к тем, кого нанимают по контракту? Ну, к вечеру это будет понятно.

Внешность у него довольно броская. Бронзовый ястреб, по классификации матушки. Резко очерченные скулы, гордый нос, насмешливо надломленные брови, твердые губы... Определенно, не одна дурочка заливала слезами подушку после близкого знакомства с ним.

А вот его подчиненный попроще. Обычный воин из тех, кто умеет выжить в стычке и не даст себя обмануть в торговых рядах, верный, как пес, и осторожный, как лис. Да, скорее всего, одинокий пес, и хотя ничего плохого от него можно не ждать, но и на помощь, если придется столкнуться с командиром, рассчитывать не стоит. Ну а кучера рассмотреть не удалось, только край плаща, и эту загадку придется оставить до привала».

Эста достала из дорожной корзины большой кошель для рукоделья, вынула из него спицы, клубок шелковых ниток, и начала вязать кружевной шарфик, это занятие, как ни одно другое, помогает тренировать ловкость пальцев и способствует размышлениям. А подумать девушке было о чем, и не все ее мысли были такими благодушными, как можно было решить, глядя на ее спокойное личико.

До обеда карета остановилась всего один раз, возле придорожного трактира. Провожатый молча распахнул дверцу, помог спутнице выйти и указал на поджидавшую служанку.

— Она проводит умыться.

Эста так же молча кивнула и направилась к смуглолицей полукровке, чувствуя спиной пристальный взгляд сопровождающего. Но даже не подумала оборачиваться, проверяя правильность своих ощущений. Незачем. Пусть себе смотрит, пусть строит планы, как привлечь ее на свою сторону или сделать послушной куклой. Все глупышки и тихони через это проходят. И в обители давно придумали не один десяток способов, как избежать нежелательных покровителей и тайных манипуляторов.

«Какая-то она... слишком серенькая для глупышки», — думал Дагорд аш Феррез, наблюдая за монашкой, обошедшейся его господину столь же дорого, как четверка племенных жеребцов. Но на жеребцах можно ездить, и их можно при нужде продать, а вот будет ли толк от этой серой мышки, никто не может поручиться. Хотя в трактире, где он ожидал решения настоятельницы, околачивалось по меньшей мере с десяток подозрительных личностей, а в каретном сарае он заметил, кроме своей, три кареты без гербов и каких-либо примет. Глупышек и тихонь принято было увозить тайно.

Вышедшая из трактира девушка спокойно и размеренно подошла к карете и, не глядя на Дагорда, остановилась, поджидая, пока для нее откроют дверцу. Обычное поведение благовоспитанной девицы, задвижки бывают слишком тугими для девичьих ручек. Аш

Феррез небрежно открыл для подопечной дверцу и с досадой поджал губы, похоже, все-таки лжет молва, что толку от хорошей глупышки больше, чем от ловкого сыщика.

«Пожалуй, он скорее из тех самоуверенных господ, которые привыкли доверять только личному опыту общения с людьми и не допускают возможности собственной ошибки. Как и возможность оказаться обманутыми», — доставая фляжку с отваром и еле заметно улыбнувшись, подумала Эста, когда карета тронулась.

Открыла пробку и прямо из горлышка сделала быстрый глоток. Теперь можно и отдохнуть. Как видно по скорости движения и редким остановкам, ее сопровождающий не намерен тратить много времени на привалы и ночлеги. Значит, спешит... Очень жаль. Так как по его изучающему взгляду трудно было не понять: он непременно попытается выяснить, что представляет собой его подопечная и на какие поступки она способна. А как показывает опыт ушедших по контрактам сестер Тишины, собранный в виде отчетов в особой папке, хранящейся в тайнике настоятельницы, способов для проверки у мужчин не так-то много. Но и в этом кратком списке большинство с упорством тупиц выбирают один, по их мнению, самый надежный.

Значит, нужно быть готовой... и до вечера не волноваться, такие самоуверенные мужчины не любят ни тесноты колясок, ни мокрых куч опавшей листвы.

Но зато она сумела рассмотреть кучера и убедилась, это почти копия второго сопровождавшего, только лет на десять моложе и немного хитрее. Слишком мягкие и удобные у него сапоги и длинный плащ, привык не слезать без надобности с кучерского места.

До обеда Эста немного подремала, а услышав, как копыта лошадей застучали о мостовую, поспешила оглядеть свое лицо в зеркало. Ну, так и есть, на скулах после сна появился румянец, с губ стерлась синеватая помада, придающая лицу нездоровый вид.

Несколько уверенных мазков кисточкой, легкое движение мизинчиком, и на лицо вернулась тусклая бледность, а губы стали незаметными и узкими. Девушка придирчиво проверила результат своей работы, спрятала кошель с косметикой и откинулась на спинку сиденья. Многого от обеда она не ждала, но как минимум познакомиться им с провожатым пора. Карета уже свернула с дороги на оживленный королевский тракт и влилась в поток таких же экипажей, торопившихся отвезти своих хозяев в столицу. Зимой знатные господа и просто богатые землевладельцы предпочитают проводить в Датроне.

— Обедаем ровно час, — тоном человека, привыкшего к беспрекословному повиновению, сообщил сопровождающий, и Эста снова не ответила ни слова.

Незачем ему отвечать, он ведь только и ждет возможности начать допрос или, хуже того, попытаться выдать инструкции и рекомендации. Так же молча девушка сходила умыться, а выйдя в обеденный зал, спокойно направилась к занятому спутником столу.

— Суп с курицей, суп овощной, телятина в бульоне... — перечислял подавальщик, но Эста пропускала эти названия мимо ушей. Кушать в трактирах супы — большая неосторожность.

— Целый помидор, вареное яйцо, картофелина в кожуре, чай и хлеб, — спокойно произнесла девушка, дослушав оглашение списка блюд.

— Но у нас... вряд ли найдется такая еда, — едва ли не с возмущением уставился на нее подавальщик.

— Ну, так приготовьте. Картофель варится десять минут, яйцо две. — Девушка говорила тихо и вежливо, глядя в глаза прислуги с легкой укоризной, словно застала его за кражей мяса из тарелок посетителей. — А пока принеси помидор и хлеб.

— А мне мясо в бульоне, жареную курицу, хлеб и бокал столового вина, — властно приказал сопровождающий и, дождавшись, пока подавальщик исчезнет, насмешливо уставился на монашку. — А вы осторожны, госпожа...

— Госпожа Эсталис, — вежливо подсказала Эста, скучающе рассматривая стоящий на столе чахлый букетик осенних ромашек.

— Очень приятно. — В голосе спутника не прозвучало даже малейшего намека на какую-либо приятность. — А я Змей.

— Взаимно, — не выказав ни удивления, ни интереса, так же бесцветно произнесла Эста, заливаясь в душе ироническим смехом.

Он даже не подозревает, что, назвав ложное имя, одно из трех, под какими появлялся вместе с господином в разных городах и участвовал в похождениях, тем самым открыл глупышке свое инкогнито. Дагорд аш Феррез, тридцать два года, граф, но ни поместья, ни замка не имеет, все пропало во время попытки переворота. Состоит при герцоге уже одиннадцать лет и все эти годы неустанно доказывает свою преданность и смелость. И — Эста таки правильно угадала — считается кумиром многих придворных дам и никогда не возвращается к надоевшим любовницам.

Единственная плата за помощь, кроме суммы первого гонорара, которую не отказывается взять настоятельница, — это сведения обо всех знатных или выдающихся господах, которых кокетки и болтушки встречают во время выполнения контрактов. И никто из сестер Тишины не отлынивает от нетрудной обязанности раз или два в неделю отправить свиток со своими записями по знакомому адресу.

Тарелку, на которой лежал ломоть хлеба, крупный помидор и несколько добавленных от щедрот повара листиков зелени, Эсте принесли на одном подносе с заказанными Змеем блюдами. Видимо, хотели с помощью румяной курочки и глубокой миски с наваристым бульоном, присыпанным мелко резанным зеленым лучком, вызвать у странной клиентки чувство зависти, если не аппетита. Но она даже не взглянула в сторону взявшегося за ложку Дагорда, спокойно нарезала хлеб и помидор тонкими ломтиками, чуть присолила и начала кушать с естественностью, присущей только истинным аристократам и людям с чистой совестью. Несколькими минутами позже подавальщик с кислым видом принес еще тарелочку, на которой катались яйцо и картофеля в кожуре. Они были очищены и порезаны Эстой с невозмутимостью глубоко уверенного в своих действиях человека, и следивший издали подавальщик отправился доложить повару, что дамочка, по-видимому, страдает какой-то болезнью или диетой и потому вряд ли станет заказывать другие блюда.

И он угадал. Доев и вытерев салфеткой пальчики, Эста невозмутимо сообщила Змею о своем намерении подождать его на улице и покинула трактир.

Дагорд, продолжавший с прежним аппетитом обгладывать куриные косточки, едва заметно кивнул в ответ. Однако едва девушка скрылась за дверью, заторопился, с досадой поминая серенькую глупышку недобрыми словами. Небось, не стала бы так капризничать, если бы проехала миль десять на лошади. Ну, ничего, вечером они придут в Турис, и там он преподаст этой гордячке урок послушания. Не такая у нее должность, чтобы строить из себя знатную даму.

— Змей, — встретил его на крыльце обедавший с кучером в нижнем зале Мирош, — госпожа уже вышла. Я послал Юлиса за ней присматривать.

— Хорошо, — сунул ему в руки сверток граф, — вот кусок курицы, съедите пополам. Сейчас твоя очередь сидеть на козлах.

— Не хочу, здесь дорога ровная, я на козлах усну, — отказался Мирош, и Змей не стал настаивать.

Молча кивнул и направился к карете, неподалеку от которой гуляла глупышка, похожая на служанку в своем сером дорожном плаще и такой же серой шляпке с маленькими полями и скрывающей половину лица вуалью.

Через пять минут маленький отряд вывернул с дороги, ведшей к трактиру, на королевский тракт и помчался дальше с прежней скоростью.

Эста неторопливо вязала шарфик и вспоминала замеченный во дворе роскошный дормез, из которого выпрыгнула одетая в нарядный жакет и розовую шляпку Розы. Следовательно, она получила контракт к принцу Лоурдену, именно против его имени стояло обозначение — кокетка. Эста тоже могла бы в случае крайней необходимости отработать кокеткой, но уставала от этой профессии невероятно и потому изучила только самые азы. Но если Розы получила это место, продолжала выстраивать простенькую логическую цепочку глупышка, стало быть, Кайя, третья девушка, закончившая обучение в этом году, поехала к барону Бьюрингу, ему нужна была именно болтушка. И выходит, контракт на тихоню остался свободным. Плохо, он был от герцога Эфройского, а тот слывет человеком жестким и самолюбивым и вряд ли смиритсЯ с отказом. Интересно, кого матушка отзовет с места закрыть этот контракт? Ссориться с советником принца она вряд ли решится.

До Туриса Эсте удалось вздремнуть еще часок, и по приезде она чувствовала себя очень бодро, но никто бы об этом не догадался, когда девушка выходила из кареты.

Первый же взгляд на здание, куда вел ее Змей, сказал глупышке, куда ее привезли. Это была вовсе не гостиница, а меблированные комнаты, и, стало быть, ее спутники останавливались тут, когда направлялись в монастырь. Вот теперь понятно, почему они едут налегке и почему граф так уверенно ведет ее к боковому крыльцу.

Девушке хотелось бы думать, что Змей будет вести себя с ней так же холодно и вежливо, как и весь день, но она прекрасно понимала: вся его холодная вежливость была лишь игрой. Отлично заметила и сжатые кулаки графа, и презрение в его взгляде, и затаенную усмешку. Поэтому намеревалась подготовиться к выходке сопровождающего заранее. И даже метод, каким собиралась проучить сердцеда, уже выбрала. Самый жесткий, хотя и самый дорогой.

— Вот твоя спальня, — проведя девушку в гостиную, служившую и столовой, кивнул Змей на одну из дверей и скрылся в комнате напротив.

Эста молча прошла в предложенную ей комнату, внимательно осмотрелась и только теперь позволила себе вздохнуть. Все-таки она угадала. Граф намеренно уступил ей комнату с широкой супружеской кроватью, рассчитывая запугать девушку заранее, но даже и не подозревая, что тем самым развеял ее последние сомнения.

Глупышка насмешливо заперла хлипкий крючок, совершенно символическую защиту от вторжения, прихватила свой саквояж и решительно направилась в умывальню. Вряд ли Змей придет до ужина, судя по тому, как он уплетал за столом курицу, граф привык все делать не торопясь и основательно, и, значит, можно особенно не торопиться.

Однако она ошиблась и убедилась в этом, едва открыв дверь в спальню. В комнате пахло дорогим мужским мылом, а на краю кровати полулежал Дагорд, в тонких штанах и расстегнутой почти до пояса рубашке. В вырезе виднелась загорелая шея и мускулистая грудь, и Эста отметила, насколько ровно загорела его кожа. Следовательно, граф имеет обыкновение тренироваться без рубашки. И в таком случае не показывает ей сейчас ни одного из своих совершенств сверх тех, на какие могут каждый день любоваться все служанки его господина.

Девушка поджала губы, старательно скрывая досаду от осознания своей грубой ошибки. Хотя подобный вариант она тоже рассматривала, но как почти невероятный. Выходит, Змей еще и мстителен, раз решил оставить ее без ужина, сделала монашка невеселый вывод, прежде чем задала самым бесцветным голоском законный вопрос:

— Что вы тут делаете?

— Неужели тебе нужно объяснять?! — насмешливо скривил он губы. — Жду тебя.

— Зачем? — Она еще пыталась дать ему последний шанс перевести все в шутку, очень уж не хотелось терять целый день и надолго превращать графа во врага.

— Хочу получить немного ласки, — откровенно заявил Дагорд и улыбнулся своей самой неотразимой улыбкой, — поставь свой саквояж и иди сюда.

— Глупышки не оказывают таких услуг, — сообщила она так же бесцветно, — ты читал тринадцатый пункт контракта?

— А это будет не услуга... — улыбнулся он провокационно, — а начало дружеских отношений.

— Глупышки ни с кем не завязывают дружеских отношений, — кротко напомнила Эста, уже понимая, что граф все равно этому не поверит. Просто не представляет, как девушка может не желать ни его любви, ни дружбы, оттого намеренно и нагло лжет ей сейчас.

— Ты хочешь, чтобы я встал и сам принес тебя на руках? — с притворной заботой поинтересовался Змей, внимательно наблюдая за сосредоточенно о чем-то размышлявшей девушкой.

Действительно, глупышка! Да если он захочет, то не станет ни ждать, ни разговаривать! Сейчас Змею нужно лишь приучить ее к простой мысли: гораздо выгоднее и безопаснее повиноваться ему, чем сопротивляться и спорить!

— Нет, не хочу, — честно и печально ответила Эста, — я желаю сугубо деловых отношений. Но ты ведь не согласишься уйти по-хорошему? Значит, придется уйти мне.

— Куда? — Граф еще улыбался, но уже заподозрил неладное и осторожно сел на постели.

— Читай пункт тринадцатый, — посоветовала девушка и исчезла в молниеносной вспышке портала.

Глава 2

Дагорд успел осознать, что глупышка задумала какую-то каверзу, и коршуном прыгнул к ней в самый последний момент, но схватил крепкими и ловкими руками только воздух, пахнувший почему-то зимними яблоками.

И в первый момент не поверил собственным ощущениям, настороженно огляделся, истово надеясь на чудо. Если поблизости нет башни или зарядной пирамидки, перенос не удастся, и девушка обнаружится на кровати или у окна. Однако комната была пуста.

Гнев, разочарование и жгучая, как крапива, досада на собственную оплошность были столь сильны, что советник и телохранитель герцога Адерского взвыл разъяренным тигром и ударил кулаками по стене, возле которой глупышка стояла еще несколько минут назад. Стояла и напоминала ему о каком-то тринадцатом пункте. Теперь Змей со всей очевидностью понимал: печаль в ее глазах была вовсе не мольбой испуганной монашки, а предупреждением уверенной в своих действиях сестры Тишины.

Все остальное тоже стало ему совершенно ясно в этот момент и захотелось со всей силы врезать по роже одному самоуверенному болвану, вовремя не сообразившему, что вовсе не она будет через несколько минут плакать и умолять о пощаде.

Это именно он теперь должен вместо долгожданного отдыха наскоро перекусить и мчаться в ночь искать беглянку. И даже если повезет ее найти, именно ему придется сполна испить чашу унижения, не единожды умоляя о прощении и заверяя в своей благонадежности. Но хуже всего, если, так и не найдя глупышку, графу придется докладывать о своей промашке Герту. И заранее тошно и стыдно представлять, как он будет объяснять собственную самонадеянность и глупость, из-за которых потерял профессионалку, оплаченную кучей золота. Отнюдь не лишнего в тощей казне его господина и друга.

Но обиднее всего, что Змей вовсе не намеревался исполнять свои угрозы, давно прошли те времена, когда он пускал к себе в постель случайных женщин.

А монашка должна была всего лишь осознать во всей полноте необходимость беспрекословно подчиняться ему да остаться разок без ужина. Граф был уверен, что ни одна благоразумная девушка не осмелится после полученного урока встречаться с ним за вечерней трапезой.

С минуту Змей скрипел зубами и яростно пинал ногами ни в чем не повинную кровать, на которой так славно выспался два дня назад, отлично зная, как глупо выглядит в этот момент. Затем, немного успокоившись, принялся за дело. Сначала заглянул в шкаф, проверил карманы одиноко висевшего там серого плаща и не нашел в них даже крошек от печенья. Затем помчался в свою комнату, которой, как уже точно знал, ему не суждено будет в эту ночь воспользоваться.

Там Дагорд первым делом достал из кармана куртки свою копию контракта и торопливо отыскал проклятый тринадцатый пункт.

«Если же будет нарушен один из вышеперечисленных пунктов, сестра Тишины имеет право вернуться в монастырь».

Вот теперь он вспомнил этот пункт и даже вспомнил, как усмехался, его читая. В тот момент ему представлялось, что возвращаться глупышке придется пешком, ведь ни кареты, ни денег на наемный экипаж ей никто не даст. А такой щедрости в настоятельнице, выдавшей воспитаннице дорогой портал, он не мог даже заподозрить.

Дагорду вспомнился многозначительный намек хозяина трактира, что кому-то придется в этом году возвращаться с пустой каретой, мол, желающих заполучить профессионалок больше, чем девушек, и с чувством обозвал себя кретинком и тупицей. А потом ринулся назад в спальню глупышки, забрать ее ботиночки и плащ со шляпкой. Змей был твердо намерен отныне не позволить себе совершить ни единой ошибки.

И глаз не спустить с проклятой монашки, если удастся заполучить ее во второй раз.

На верхней площадке башни гулял холодный ветерок, сразу выстудивший босые ноги и еще не просохшие после умывания на лбу и висках волосы девушки. И этот холод лишний раз напомнил ей о близости Геркойского хребта, откуда уже наступала зима. Задерживаться Эста не стала, подобрала юбки, торопливо распахнула дверь, ведущую к каменным ступенькам, и смело шагнула вперед, совершенно уверенная, что матушка уже в курсе ее появления. И ждет внизу, в уютной гостиной, расположенной над ее кабинетом, коротая, как обычно, вечер за горячим чаем и чтением исторических описаний.

— Рановато ты, — с едва заметной усмешкой констатировала настоятельница, когда девушка, торопливо сбежав по узкой винтовой лестнице, открыла незаметную с лестничной площадки дверцу, — значит, не ужинала. Накрывай на стол, еда вон на подносе, где посуда, ты знаешь.

— Ждать никого не будем? — с удовольствием ощутив под ступнями теплый и мягкий ковер, непринужденно осведомилась беглянка.

С той минуты, как Эста подписала контракт и покинула монастырь, она больше не была простой монахиней и возвращалась сюда полноправной сестрой Тишины.

— Перекусим, там видно будет. Чем ты обедала?

— Круглым и целым, — вдолбленные за несколько лет правила за один день никуда не исчезли.

— Тогда наливай себе супа, — предложила матушка, и девушка не стала отказываться. Поставила у стены саквояж, который пока так и не выпустила из руки, и прошла к столу.

Некоторое время они ели спокойно, незачем спешить, когда в запасе вся ночь.

— Кто был спутником? — дождавшись, пока Эста справится с грибной похлебкой, небрежно осведомилась мать-настоятельница.

— Верный друг. — Эста не сомневалась, матушка проследила за теми, кто поджидал ее у ворот, и отлично их опознала. И потому не собиралась нарушать правил.

— Представился?

Девушка с усмешкой сделала «виляющий» жест гибкой рукой, изображая ползущее пресмыкающееся, и в глазах матушки заискрился смех.

— Не понимаю, зачем ему нарушать уговор?! — осуждающе поджала она губы, искоса поглядывая на сестру, подкладывающую себе жареную рыбу.

— Не нарушать. Только припугнуть, — спокойно поправила Эста.

— Ты не захотела рисковать?

— Бесполезно.

— И приобрела врага.

— Скорее, шпиона, — снова уточнила девушка и некоторое время спокойно ужинала, затем, вспомнив встречу возле трактира, осторожно отчиталась: — Я встретила очень интересную шляпку, думаю, не купить ли себе?

— Тебе не пойдет, — качнула головой матушка и налила себе сливовый компот. — Какие планы?

— Если нужно еще прокатиться, то я готова. — Эста откровенно вздохнула.

— Не стоит себя мучить, — подумав несколько минут, постановила настоятельница. — И последний вопрос... остался еще контракт. Имеешь право передумать.

— И наживу новых врагов. — Сестра Тишины назвала только одну причину, но думала совершенно о другой. И снова не сомневалась, что матушке известны все ее мысли.

— Возможно. Хорошо, тогда иди сейчас. Вот портал. Немного погоди, я предупрежу, тебя встретят. — Настоятельница написала бисерным почерком крохотную записку и отправила в неизвестность магическим вестником. — Захвати сундук, он стоит наверху, в нише возле выхода с лестницы. Цвет знаешь?

— Да. Плащ купить на месте?

— Возьми вон в том шкафу, и ботинки тоже.

Этот плащ был намного более дорогим и изысканным, чем прежний, однако совершенно немодного серо-зеленого цвета, и с еще более старомодным капюшоном.

— Я задержу его. — Матушка повторила жест Эсты. — Отдохни утром подольше. Иди, и мирной тебе Тишины.

— Мирной, — откликнулась Эста, взяла свой саквояж и вышла через ту же дверку, что вошла.

Поднявшись по лесенке, выбрала в неяром свете масляной лампы среди стоявших в глубокой нише сундуков зеленый и потащила его на верхнюю площадку. По заведенному правилу глупышки и тихони уезжали из монастыря налегке, сундуки им позже доставляли маги из почтовой гильдии. Дорого, разумеется, но терять уникальные наряды под мечами господ, разъяренных исчезновением девушек, значительно накладнее.

Крошечная капсула, открывавшая путь в заданную точку, разломилась бесшумно, и через несколько секунд девушка опять стояла на башне. Здесь было намного теплее, ярко светили магические фонари, а маг в голубой накидке с вышитыми звездами присматривал за порядком.

— В четвертом секторе госпожа с сундуком!

Проворный служитель почтовой гильдии подхватил сундук и потащил к широкому проходу, ведущему в зал ожидания.

— Авросия, дорогая, наконец-то! — Женщина лет сорока подскочила к Эсте, стиснула в объятиях и сунула служителю монетку. — Спасибо. Дальше мы сами, я с кучером.

Кучер оказался возницей наемной коляски с закрытым полотняным верхом. Он довез их до небольшого переулка, где встречавшая, без умолку тараторившая новости про здоровье мнимых общих родственников, попросила остановиться возле массивных, крепко запертых ворот. Однако этот дом вовсе не был окончательной целью их путешествия. Едва коляска скрылась за поворотом, встречающая перестала копаться в объемистом кошеле в поисках несуществующих ключей и махнула рукой. Из переулка немедленно выехала темная карета без гербов и остановилась рядом. Соскочивший с козел мужчина в одно мгновение подхватил сундук и поставил в карету, открыв правую дверцу, а женщины тем временем легко и бесшумно впорхнули в левую.

И вскоре экипаж уверенно катил по еще оживленным улицам столицы, направляясь к небольшому особняку герцога Адерского, расположенному в западной, зажиточной части Датрона.

— Может, переночуешь у меня? — только и спросила сразу ставшая очень молчаливой женщина.

— И утром приехать при всех?

Больше они не произнесли ни слова, обе устали за день, да и зачем слова тем, кто видит больше других.

Возница остановил карету, предусмотрительно проехав дальше будки привратника на пять шагов, и пока Эста тащила свой сундук до калитки, стук копыт стих за ближайшим поворотом. Впрочем, она особенно и не торопилась.

— Любезный, — учтиво попросила девушка сонного усатого привратника, озадаченно изучающего возникшую словно ниоткуда незнакомку, — доложите, пожалуйста, вашему господину, что прибыла новая чтица. Он меня ждет.

— На чем прибыла? — не поверил старый слуга.

— С оказией, — несчастно пролепетала незнакомка, — и поторопитесь, а то я так устала! Просто упаду сейчас прямо тут. Боюсь, Дагорд аш Феррез, который меня нанимал, этому не обрадуется.

— Сразу бы так и сказали, — засуетился привратник и загремел ключами, — сейчас я вам открою калитку, а пока прибежит лакей за сундуком, посидите на лавочке.

Эста еле заметно усмехнулась и устало прошла в распахнувшуюся створку, не спуская тем не менее глаз со своего сундука.

Старик, разглядев стройную фигурку в старомодном плаще, признал в гостье провинциалку и, сжалившись, сам занес в ограду нехитрый багаж. А к тому времени, как

калитка была заперта и девушка успела рассказать, что она сирота из знатного, но бедного семейства и очень рада полученному тут месту, привратник был совершенно уверен: это хитрый Змей нашел новую наивную игрушку для своего господина. Однако вмешиваться и давать советы даже не подумал, она все равно не послушает, а ему попадет. Да и некуда ей больше идти.

Лакей прибежал довольно скоро, а еще через полчаса Эста уже разместилась в довольно миленькой комнатке на втором этаже. Оказывается, Дагорд, уезжая по делам, не забыл приказать приготовить ее для нанятой им чтицы. Традиционно глупышек и болтушек представляли обществу компаньонками немолодых дам или чтицами для господ. Реже — секретарями или камеристками. Тихони служили у дам дальними родственницами или воспитанницами, а у господ — секретарями или официальными спутницами. А вот кокетки чаще всего играли роль фавориток или кузин.

И потому комнаты им выделяли неподалеку от господских покоев, да и звонок провести не забывали, чтобы долго не ждать, если понадобится вдруг хозяйке общество компаньонки, или господин, страдая от бессонницы, пожелает послушать новый исторический труд либо пикантный роман.

Самого Геверта, или Герта Адерского, в этот вечер в особняке не оказалось, он уехал на званый ужин и вполне мог и не приехать ночевать. И это обстоятельство вполне устраивало Эсту, сегодня она хотела только отдохнуть. А вот завтра желала бы предстать перед господином хотя бы на полчаса раньше, чем примчится Змей. Хотя матушка и обещала его задержать, в ярости граф был вполне способен разориться на портал. В ближайшем от монастыря городке имелась башня почтовой гильдии.

Эста наверняка удивилась бы, узнав, что Дагорд аш Феррез в этот момент уже сладко спал. Вместе с Мирошем, устроившись с воином вальетом на наваленных в карете перинах.

И только расстроенный внезапной сменой планов Юлис неустанно погонял свежих лошадей, взятых ими на постоялом дворе. Мироша ему велели разбудить не раньше чем в два часа ночи, а очередь графа править наступала в шесть утра. К рассвету Змей собирался оказаться у ворот монастыря.

Глава 3

— Госпожа настоятельница не беседует с мужчинами. — Немолодая женщина, похожая твердостью характера и загорелым лицом на сержанта женского легиона, а не на монашку монастыря Святой Тишины, повторяла это назойливому посетителю уже десятый раз.

— Но у меня очень важное дело. — Он упрямо держался крепкой рукой за раму приоткрытого маленького оконца, не давая его захлопнуть. — Очень. Попросите ее сделать исключение, я готов на все условия.

За оконцем раздались удаляющиеся шаги, хлопнула внутренняя дверца, и Дагорд яростно выругался про себя. Если бы он вчера утром догадывался, через какие унижения придется пройти, даже близко не подошел бы к проклятой глупышке. Приказал бы Мирошу представить себя командиром, а сам сел на козлы. Вот теперь у него даже сомнений не осталось в статусе этой девицы. Никакая она не глупышка, а прожженная стерва с манерами воспитанницы пансиона для благородных сироток. Впрочем, с тех эти манеры и благородство сползают быстрее, чем платья под напором слаженного воздействия нежных взглядов и звона монет.

— Что вы хотели? — Голос, раздавшийся за оконцем, был невероятно похож своей бесцветностью и безразличием на голос вчерашней спутницы, и Змей ни на минуту не усомнился, кого наконец-то видит, вернее, слышит.

— Попросить прощения за бестактное поведение, — начал он, но собеседница резко перебила:

— Я такого не припоминаю.

— Вчера мы сопровождали сестру Тишины, получившую контракт. — За утро Дагорд едва ли не до дыр зачитал проклятый документ и теперь помнил его наизусть. — И я осмелился пошутить... насчет своего желания нарушить пункт седьмой. Теперь я глубоко раскаиваюсь и приношу свои извинения. И прошу позволения лично объясниться с госпожой...

— Не нужно имен, — снова перебила настоятельница.

— Как скажете. Но она должна знать, что я глубоко сожалею о содеянном и готов дать обещание больше никогда не подходить к ней ближе чем на три шага.

— Напишите все свои извинения и обещания на бумаге, — безучастно посоветовала собеседница, содрогаясь от внутреннего хохота: такого Змея вряд ли видел до нее кто-нибудь из женщин. — Я попытаюсь вам посодействовать.

Теперь даже двух истраченных порталных капсул не жаль, зрелище того стоит. Впрочем, и будущий покой глупышки — тоже.

— Вот, — свернутый в трубочку лист просунулся через решетку через полчаса, но настоятельница его не стала читать.

Не стоит раздражать и так доведенного до отчаяния Змея и ссориться с его господином, это может плохо отразиться на Эсте.

На глазах у изумленного графа свернула бумагу потуже, засунула в почтовый пенальчик и размашисто написала адрес.

— Особа, которую вы оскорбили, получит ваши извинения не позже, чем через пять минут, — дождавшись мимолетной порталной вспышки, холодно сообщила настоятельница Дагорду, отворачиваясь от него с явным намерением уйти.

— Как получит? А разве она не в монастыре? — Только теперь он понял, как глубоко ошибся в очередной раз, сочтя, что босой и полуодетой девушке больше некуда идти.

— Нет. Она отбыла к месту службы сразу же, как вернулась и получила новые ботинки, — строго сообщила настоятельница и теперь уже ушла по-настоящему, веселясь, как нашедшая верный способ улизнуть от занятий ученица.

Граф отпустил оконце, и оно немедленно захлопнулось и звякнуло массивным засовом. А Змей стиснул зубы и побрел прочь, ошеломленный этим сообщением, не в силах представить, как будет объяснять другу данное происшествие.

Герт вернулся домой за полночь в самом скверном расположении духа. И вроде ничего особо плохого не произошло, но юный герцог просто кожей чувствовал, как вокруг него сгущаются неприятности. И подтверждения, хотя и мелкие, тому были. Почему-то цедил слова сквозь зубы герцог Эфройский, небрежно поздоровался принц, целый вечер строила глазки маркизу Твигерну его последняя любовница, и хотя с маркизом не уехала, но и Герта к себе не пригласила, как обычно. И Змей где-то застрял, ни писем нет, ни самого. Хотелось бы верить, что ездит он не зря и вернется не один.

А еще сильнее Герт надеялся на особые умения сестры Тишины. Вот приедет эта загадочная профессионалка и наконец-то сумеет понять то, в чем не могут разобраться они с Дагордом. Выяснит причины странных событий, время от времени происходящих в его замке, и найдет виновного в череде несчастий, стремительно подрывающих благополучие некогда сильного герцогства.

— От Дагорда ничего нет? — мельком оглядев прикроватный столик в надежде на письмо, поинтересовался герцог у камердинера, прибежавшего помочь ему раздеться.

— Нет, ничего. Но девушка, которую он нанял, вечером прибыла с оказией.

— Хорошо, — кивнул Герт, решив, что друг снова нанял хорошенькую белошвейку или горничную, но очередные слова слуги заставили его застыть на месте.

— С вечера-то она очень уставшая была, даже кушать отказалась, сразу спать легла, потому мы звонок не стали привязывать. Да и не знали, какие книги нужно принести из библиотеки. Господин граф указаний не оставил.

— Подожди, Патис, я не понял, при чем тут книги?

— Так чтица же прибыла, я вам докладывал.

— Как, чтица?! — Герцог пытался лихорадочно сообразить, какие неприятности могли случиться с другом, раз монашка прибыла одна? Ведь Змей намеревался привезти ценную наемницу лично?

Ноги сами понесли его в сторону двери, немедленно разбудить, допросить... но взгляд упал на массивные напольные часы, показывающие самое глухое ночное время. Да и слова про усталую девушку вспомнились, и пришлось поворачивать назад, к кровати. И только присев на пышную постель, Герт обнаружил, что едва не предстал перед наемницей без камзола и в одном сапоге.

— Демоны, — выругался он вполголоса, — и куда запропастился Дагорд? Патис!

— Слушаю, ваша светлость, — отозвался слуга, вешавший в гардероб нарядный камзол.

— Утром разбуди меня сразу, как только проснется эта... чтица.

— Госпожа Эсталис, она из благородных.

«Ну да, все сестры Святой Тишины из таких, — мрачно усмехнулся герцог, — только ни одна не может предъявить ни родственников, ни надежных документов».

Но ему наплевать на ее происхождение, лишь бы оправдала затраченное на контракт золото.

Он снял с себя и сложил в подставленную слугой шкатулку браслеты, обереги и амулеты и устало откинулся на подушку, хочешь не хочешь, придется ждать утра.

— Разбудите его пораньше, как же, — саркастически фыркнул себе под нос камердинер, шлепая по коридору мягкими туфлями в направлении своей спальни, — хотел бы я посмотреть, кто из слуг на это отважится. А Змея дома нет.

Конечно, Эста могла бы поспать еще, но воспоминание о зло прищурившихся глазах графа, прыгнувшего к ней, едва он что-то заподозрил, разбудило на рассвете, и девушка решительно встала с постели. Нужно было успеть очень многое. И для начала она отправилась в женскую мыльню, расположенную в конце коридора. Личная в этом доме была только у герцога.

А вернувшись, отперла сундук и достала первое платье. Оно было из традиционного серо-зеленого кашемира, слегка поношенное и с немодными оборками. И только посвященные знали, сколько тщательно продуманных секретов в этом платье. К нему прилагалась широкая заколка для волос, украшенная шелковым бантом того же цвета, и тоже, разумеется, непростая.

Сегодня Эсте не нужно было изображать изможденную монашку, но и свежий утренний румянец тоже всем показывать не стоило. Девушка провела у зеркала добрую четверть часа, добиваясь, чтобы ее кожа выглядела благородно-бледной, однако не болезненной, а глаза блестящими и живыми, как у глупого щенка. Нужно бы поскорее

выяснить, нет ли в особняке котенка, думала Эста, заканчивая одеваться, это самый лучший вариант для глупышек — все время тискать какую-нибудь зверюшку.

В коридоре было все так же тихо и пустынно, когда Эста вышла туда во второй раз и неторопливо, откровенно рассматривая все вокруг, побрела к лестнице, ведущей на первый этаж. Именно там она встретила вчера вечером кругленького и недовольного дворецкого, принявшего ее без особой учтивости.

Стражник, полулежавший возле двери на деревянной скамье, при виде женской фигурки слегка оживился, но встать и не подумал, и Эста постаралась проскользнуть мимо него с самым смущенным видом. В коридоре, ведущем на кухню, навстречу девушке двигался сонный мужчина лет сорока, в мягких туфлях и с подносом в руках. На подносе стоял довольно обильный завтрак, прикрытый льняной салфеткой.

— Доброе утро, госпожа Эсталис, — поздоровался он, и Эста внутренне напряглась.

Ее имя прозвучало вчера всего пару раз, и она сомневалась, что кто-то его запомнит, да еще и станет называть ее госпожой.

— Доброе утро, — улыбнулась она приветливо и растерянно, — а я вчера никого не запомнила... такая жалость.

— Я Патис, камердинер герцога, и меня с вами не знакомили, — пояснил он, ловко открывая ногой дверь в небольшую столовую для слуг, — и у меня есть приказание господина разбудить его светлость, как только вы проснетесь.

— А могу я сначала позавтракать? — с надеждой в голосе осведомилась девушка, хотя на самом деле желала обратного. Вначале поговорить с нанимателем.

— Конечно, — указал Патис взглядом на кухню, — Фирита уже готовит. А завтракать можно тут, если не хотите ждать, пока принесут в комнату.

— Благодарю, — делано обрадовалась Эста и пошла дальше, ломая голову над странным поведением камердинера. По всем правилам он должен был немедленно оставить свой поднос и отвести ее к герцогу.

Похоже, с его светлостью не все в порядке.

На кухне хозяйничала крепенькая женщина в белоснежном чепце, завязанном по деревенской привычке на затылке, и Эста затратила несколько минут на разговор с ней, первое знакомство самое важное. Сделаешь не так всего один шаг или скажешь не то слово, и придется потом долго исправлять эту оплошность, пока человек поверит в собственную ошибку в оценке нового знакомого.

Характер Фириты вполне соответствовал первому впечатлению и был боевым и открытым. Да и кухарка вскоре признала новенькую за свою. И, жалостливо поглядывая на слишком худые, по ее мнению, ручки чтицы, попыталась поставить ей на поднос столько же еды, сколько было у Патиса.

Пришлось девушке срочно придумывать байку про привычки, не позволявшие принять этот щедрый дар, а затем ретироваться в столовую и присоединиться к камердинеру.

Она постаралась так точно подгадать время завтрака, чтобы подняться из-за стола почти одновременно с камердинером.

— Где мне подождать, — вежливо обратилась Эста к шлепающему в сторону лестницы Патису, — пока его светлость изволят одеться?

— Чего подождать? — оглянулся он. — Ах, вы о его приказе! Так пока сам не проснется, а это будет к полудню, не ранее! Утром разбудить его светлость и не пострадать может только граф, а сейчас он в отъезде.

— Я не поняла... — насторожилась девушка, — как это, пострадать?

— Не любит наш господин, когда его будят, вот и швыряет все, до чего дотянется. — Похоже, слуга вовсе не относился к господину с благоговейным почтением, как и подавляющее число людей его профессии, но в отличие от многих не считал нужным это скрывать.

— Да, — сочувственно подтвердила Эста, — многие мужчины не любят. Вот и мой покойный батюшка... хотя он утверждал, что его просто недостаточно мягко будят. Наш лакей нашел в последние годы способ, но... — Она печально вздохнула и смолкла.

— И сложный способ? — заинтересовался камердинер, попавшись на эту простую наживку.

— Нет, все очень просто, если знаешь любимое блюдо господина. Нужно принести его еще горячим и поставить так, чтоб он не мог дотянуться руками, но ощущал запах. Еще лучше помогает, если кто-то сядет неподалеку и станет с аппетитом жевать.

— Ну, допустим, я могу попросить Фириту пожарить кусочек ветчины, но жевать все же не решусь, — с сомнением сообщил Патис, однако приостановился, вселив в собеседницу надежду на возможность сговора.

— Хотите, я попытаюсь вам помочь? — с наивным энтузиазмом предложила Эста. — Вдруг у него ко мне важные вопросы? И если мы его не разбудим, господин рассердится. Но для этого мне еще нужна будет любая книга.

— Хорошо, — обдумав ее предложение, согласился камердинер, и Эста снова отметила отсутствие почтения, но не осторожности, — только сядете вы возле шкафа, в него можно спрятаться.

Надо же, какие интересные подробности, усмехнулась про себя девушка, а вслух выразила восхищение предусмотрительностью собеседника.

Глава 4

И уже через четверть часа заговорщики стояли у дверей в спальню его светлости. Первым на разведку отправился Патис, проверить, не сбросил ли господин во сне одеяло, и поставить на столик блюдо с жареной ветчиной, по совету чтицы присыпанной для усиления запаха мелко рубленной зеленью.

Сама Эста, держа в одной руке обернутую салфеткой маленькую тарелочку с тонко нарезанными кусочками хорошо прожаренного мяса и столь же тонкими и прожаренными сухариками, а в другой — толстый исторический роман, ждала сигнала у порога. Тихо посмеиваясь про себя при воспоминании об озадаченном взгляде наблюдавшего за их перемещениями стражника. Можно не сомневаться, Змей узнает про ее энтузиазм сразу по возвращении, но ничего ему это не даст, потому что тайна, известная всем, не стоит и медной монетки.

— Входите, — негромко сказал камердинер, — дверь я закрывать не буду. Если начнет буянить, попробую отвлечь.

— Спасибо, — проникновенно шепнула Эста и вошла в комнату.

Сделав несколько шагов, остановилась, рассматривая спальню изучающим взглядом, обнаружила неподалеку от кровати столик и на нем благоухающее ароматами блюдо и прошла к поставленному Патисом креслу. Усевшись, с минуту устраивала на коленях столик из книги и салфетки, затем наколола на вилку первый ломтик, добавила сухарик и начала с хрустом жевать, жадно рассматривая лицо спящего напротив молодого мужчины.

Его волосы выгорели до почти золотого цвета, брови по сравнению с ними казались темными, загорелое лицо чуть разрумянилось во сне. Густые ресницы были сомкнуты, но Эста отлично знала, какого цвета у герцога Адерского глаза. Ярко-голубого.

Он пошевелился, улыбнулся чему-то во сне, сразу став намного моложе своих двадцати семи лет, и перевернулся на бок.

Эста наколола на вилочку второй кусочек ветчины и снова захрустела сухариком, не переставая пристально наблюдать за его светлостью. Вот он чуть нахмурился, припухшие губы обиженно чмокнули, а рука шевельнулась, словно ловя что-то во сне. Девушке пришлось взять еще кусочек мяса и жевать немного громче, не позволяя его пробуждающемуся сознанию вернуться в глубины сна.

— Хар, фу! — сердито пробормотали сквозь сон губы Герта, а в следующее мгновение он распахнул ресницы и сонно огляделся.

В тот же миг девушка перестала жевать и накрыла тарелочку краем салфетки.

Но его светлость снова закрыл глаза и притих, заставив Эсту нарочито громко и несчастно вздохнуть. Возможно, кто-то другой и поверил бы в то, что герцог снова уснул, но Эста не обманулась ни на миг.

Голубые глаза Герта снова распахнулись, цепко оглядели сидящую в кресле незнакомку, и его рука скользнула под подушку.

— Я — чтица, — мягко сказала девушка, откинула салфетку, задумчиво осмотрела последний ломтик мяса и сунула в рот.

Вид мирно жующего человека обычно успокаивающе действует на всех подозрительных особ.

— И что ты тут делаешь? — приподнимаясь на локте, желчно осведомился его светлость, но настороженности в его голосе больше не было.

— Пришла по вашему приказу, — кротко объяснила глупышка, — вот и книжку принесла. Жизнеописание подвигов и деяний великого короля Карива Третьего.

— А что жуешь?

— Ветчину, — честно хлопнула она наивными глазами, — вам тоже принесли, вон на столике стоит.

— Придвинь его мне, — немного подумав, небрежно скомандовал герцог и с изумлением получил в ответ откровенно насмешливую улыбку.

— Патис, — приторно вежливо позвала Эста в следующее мгновение, — его светлость проснулся и желает позавтракать.

Камердинер, стоявший за стеночкой и ждавший только этих слов, мгновенно появился в дверном проеме с самой невозмутимой физиономией.

— Ваша светлость не желает вначале умыться и переодеться?

— Желает. — Герцог потянул с себя одеяло, испытующе поглядывая на спокойно сидевшую в кресле чтицу.

Но она смотрела настолько наивно-заинтересованно, что его решимость мгновенно поколебалась. Если бы здесь был Змей, он бы обязательно смерил девушку таким взглядом, от которого она сама немедленно сбежала бы, но друга не было, и его светлости пришлось кивнуть ей на дверь.

— Подождите в соседней комнате, госпожа...

— Эсталис, — представилась она с чувством собственного достоинства и, неприметно улыбаясь, вышла из спальни, оставив на кресле толстую книгу.

Слава святой Тишине, не успел граф сделать из господина свое подобие... хотя наверняка старался. Но некоторые качества из людей невозможно вытравить ничем, особенно если они впитались с молоком матери.

Надо же, торопливо проходя мимо кресла в умывальню, усмехнулся Герт, и в самом деле жизнеописание короля. Нужно будет сказать, чтобы припрятала эту книжку на самый последний случай, когда в библиотеке не останется непрочитанным даже трактат о пользе здоровой пищи.

— Входите, госпожа Эсталис, — добродушно кивнул глупышке камердинер через несколько минут, выходя из спальни, — его светлость желает с вами поговорить.

Эста кротко улыбнулась в ответ, но, войдя в комнату, словно невзначай прикрыла за собой дверь как можно плотнее.

— Вы меня звали?

— Каким способом вы добрались до моего дома? Я посылал за вами сопровождающего, — пока Герт умывался и одевался, в его мыслях наступила почти полная ясность, и он вспомнил, зачем так неотложно желал ночью поговорить с чтицей.

— Порталом, — отойдя предварительно к окну, очень тихо произнесла Эста, строго нахмутив брови.

Похоже, он не до конца понимает, зачем выдал ей контракт и как теперь должен себя вести.

— А где сопровождающие? — невольно понизив голос, подозрительно осведомился герцог. — Я послал за вами своих людей.

— Боюсь, я не смогу вам сказать точно, где именно они находятся, — холодно сообщила девушка, совершенно не желавшая ничего рассказывать про Змея и тем не менее ясно понимавшая: утаить произошедшее не получится.

Ведь невозможно предугадать, как поступит Змей, когда узнает, что Эста его не выдала. Станет ли благодарно молчать или перевернет правду так, чтоб унижить ее и предстать перед другом в самом выигрышном виде? Ее, разумеется, это не обидит, но будет во вред делу.

— А вы их видели? — искренне разволновался Герт, и Эста не могла не улыбнуться в душе.

— Да, вчера вечером. И они были в полном порядке.

Не назовешь же беспорядком распахнутую, как у матроса, рубаху и разъяренный взгляд?

— Можно узнать... — Герцог начал понимать, что неспроста наемница говорит такими короткими, сухими фразами, еще недавно, нахально устроившись в его спальне, она была намного приветливее, и резко сменил тему: — Не хотите ли присесть? А позавтракать со мной?

Он очень удачно произнес эти слова, дверь отворилась, и вошел Патис с подносом, накрытым салфеткой, под которой можно было угадать очертания кофейника.

— Ваша светлость, позвольте накрыть на стол тут или перейдете в кабинет?

— В кабинет, — взглянув на молчаливую чтицу, решил Герт и первым направился к двери.

— Я захвачу, — дружелюбно улыбнулась камердинеру Эста, подхватывая слегка полегчавшее блюдо с ветчиной, — показывайте дорогу.

«А он молодец», — оказавшись в просторном кабинете, мысленно похвалила девушка хозяина, сообразил, что здесь намного удобнее разговаривать без опасения быть подслушанными, нежели в спальне, где большую часть комнаты занимала кровать с высоким балдахином.

— Ну, так что случилось? Отчего вы расстались? — устроившись за столом и предложив чтице место напротив, тихо осведомился Герт после того, как камердинер вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

— Вы пьете кофе с сахаром или без? — вдруг рассеянно улыбнулась глупышка и быстро придвинула к себе сахарницу. — А я только с сахаром. Не могу понять, и чего некоторые люди находят в этой горечи... вам насыпать? Нет? Как хотите, а я добавлю себе ложечку. — И она весело загремела ложкой о стенки тонкой чашки, насмешливо переводя взгляд с герцога на дверь.

— Эсталис... — Губы герцога страдальчески поджались. — Но ведь...

— Жаль, вы не любите исторические романы, я могла бы почитать вам просто потрясающие истории. Например, про короля Освальда, прекрасный был человек, мне так нравится описание его нежной любви к маркизе Тюрон! Правда, конец там печальный, да. Она его отравила. Но можно не читать все подряд, только самые интересные моменты, вы ведь позволите мне самой покопаться в ваших книгах? Еще есть описание династии Дартигов, семь братьев, и каждый по-своему талантлив... просто дух замирает.

Герт сморщился и тихо скрипнул зубами, последний пример был слишком красноречив. Не понять, на какие события намекает монашка, было невозможно. Братья убивали и травили друг друга, по очереди занимая отцовский трон.

— Госпожа Эсталис, давайте мы поговорим о книгах позже... скажем, за обедом? А сейчас о чем-нибудь другом...

— Конечно, например, о вкусах, — легко согласилась она, добавила еще сахара и снова зазвенела ложечкой. — Конкретнее, про сладости? Вы любите сладкое? Вы знаете, одно время я не ела конфет совсем, ну нисколечко, боялась растолстеть. А потом оказалось, мне это не грозит, ну вот абсолютно! Я могу хоть целый день грызть засахаренные орешки или есть шоколад и зефир. Все подружки просто позеленели от зависти.

Герцог едва сдержался, чтобы не съязвить, что позеленели они наверняка от чего-то другого, даже рот раскрыл и остолбенел, увидев, как она укоризненно качает головой.

Сначала он вспыхнул от досады, неужели допустил какую-то промашку?! И тут же начал бледнеть от возмущения, сообразив, что едва не начал оправдываться перед какой-то глупышкой. Да как она смеет указывать ему в его собственном доме, эта старомодно одетая монашка?!

С какой стати он должен не доверять слугам, прослужившим у него почти с переворота? Пусть сначала предоставит доказательства измены, а не морочит ему голову своими загадками!

Наверное, прав был Змей, когда предлагал нанять на эти деньги хорошего сыщика и пару шпииков в придачу.

— Но если вы совсем не любите исторические книги, ваша светлость, — печально сказала вдруг пристально наблюдавшая за ним сестра Тишины, — то, может быть, вам не нужно было нанимать чтицу? Так сразу и скажите, я девушка хоть и благородная, но не гордая, возьму свой сундук и перееду в другое место. И гонорар верну сполна, не сомневайтесь. Господин, который вчера предложил мне работу, с удовольствием заплатит.

Эста смолкла и покорно сложила руки на груди, ожидая его решения. Точно зная, услышь такой откровенный намек, настоятельница поджала бы губы и послала ученице неодобрительный взгляд. И была бы совершенно права. До Эсты так никто не делал, не раскрывал раньше времени перед клиентами свои намерения и сомнения. Да и сама она раньше сто раз подумала бы, прежде чем высказать такое королевское предложение. Но

сейчас не смогла просто промолчать и выкрутиться одним из десятка известных ей способов, и теперь поздно каяться. Остается надеяться на сообразительность герцога и безвыходность ситуации, в которую загнали его странные события. И возможно, природная интуиция поможет ему избежать грубой ошибки.

Как это, переедет? Глядя на смиренно сидевшую девушку, начал остывать Геверт, они ведь ее так ждали. Змей даже лично отправился встречать, несмотря на занятость и проблемы. Да и неспроста знатные и богатые дома расхватывали этих глупышек, каждый, кто мог заплатить немалую сумму, старался заполучить себе сестру Тишины. Хотя никто не признавался в открытую. Как сказал граф Тейретти, у которого они тайно спрашивали совета, не нужно думать, что все остальные вокруг дураки и готовы отдавать бешеные деньги за красивую сказку.

— Подождите, госпожа Эсталис, — наконец заговорил герцог, — вы меня не так поняли. Я, конечно же, обожаю исторические книги... и сладости тоже иногда ем, особенно пирожные, просто не всегда в этом признаюсь.

Эста перевела дух, слава тебе, милосердная Тишина, начал понимать! И ободряюще кивнула герцогу, чтобы не сомневался в своих действиях.

— Патис! — громко позвал Герт, и дверь моментально распахнулась. — Сходи на кухню, узнай, нет ли там пирожных... ну ты знаешь, какие я люблю. И прихвати побольше сладостей, я намерен послушать исторический роман.

— Иду, ваша светлость, — сказал камердинер и притворил дверь.

— Так вы мне поясните, куда делся Змей? Ох, простите, ваш провожатый? — едва хлопнула выходная дверь гостиной, напрямик спросил Геверт, сообразив, что теперь может говорить в открытую.

— Мы немного разошлись с ним в понимании пунктов контракта. Он... желал добавить мне обязанностей свыше оговоренных в пункте первом.

— А у вас есть с собой этот документ? — Герцог в последнее время все сильнее убеждался в силе простых бумажек.

— Нет. Но у вашего друга с собой копия. — Глупышка открыто смотрела на его светлость, и он решил выяснить, каким способом она попытается решать его проблемы.

— А вы не можете мне объяснить, как именно вы намерены выполнять этот первый пункт?

— Нет, — резко отказала Эста, и пояснила: — Как я могу рассказать то, чего еще даже не видела и не знаю? Вот вы должны будете рассказать мне все, до мельчайших подробностей, и от этого будет зависеть, какой конец будет в вашем историческом романе. Но не здесь... и не сейчас. Когда вернется ваш друг, вы пригласите меня на прогулку... — Чуткий слух девушки расслышал шлепанье мягких туфель, и она мгновенно сменила тему: — Нужно обязательно заехать в книжный магазин господина Хирстена! Там лучший выбор книг во всей столице, от старинных гримуаров до походов комедиантов!

— Я принес сладости и пирожные. — Дверь, наконец, отворилась, и вошел камердинер с подносом.

— Можете отнести в свою комнату все лакомства, которые вам нравятся, — предложил Геверт чтице, чувствуя необходимость побыть в одиночестве и спокойно все обдумать.

— Ах, вы так добры, ваша светлость. — Она улыбалась и радовалась так наивно, что еще час назад его светлость пренебрежительно бы фыркнул, ну совершенная глупышка!

Но теперь не рискнул бы сказать такое со всей уверенностью.

Глава 5

Граф Дагорд аш Феррез вернулся в особняк утром следующего дня.

Бросил у крыльца коня, ни на миг не сомневаясь в расторопности слуг, обязанных тотчас принять измученное животное в свои заботливые руки, и быстрым шагом прошел в услужливо распахнутую перед ним дверь. Привратник по тайному уговору со странниками звонил им особым способом, предупреждая, когда ворота проезжал Змей.

— Доброе утро, — процедил граф сквозь зубы, заметив спешащего с подносом камердинера, — вели приготовить кофе покрепче, я пойду будить его светлость.

— А он уже не спит, его разбудила госпожа Эсталис, — добродушно улыбнулся Патис, начиная обожать старомодную провинциалку, читающую исторические романы.

Такое выражение лица у Змея он мечтал увидеть не один год.

— Да? И чем она занимается в его спальне? — придя в себя, представил Змей эту картину и начал понемногу сатанеть.

Вот же проклятая стерва, да у нее, как видно, не пункты контракта в голове сидели, а расцветал план, как побыстрее подобраться к Герту! Наверняка успела пронюхать через своих сестер, что он один из десятка самых завидных женихов королевства! Ну, если не кривить душой, то за последнее время переместился в этой компании на последнее место, но все равно пока еще довольно лакомый кусочек для целой толпы знатных девиц.

— Читает исторический роман о жизни короля Карива, — важно сообщил камердинер, посмотрел вслед ринувшемуся вверх по лестнице графу и, дождавшись, пока тот не скроется за поворотом, ехидно уточнил: — И не в спальне, а в кабинете!

Дагорд ворвался в спальню друга, и не думая стучать, за столько лет дружбы Герт тысячу раз повторял: тайн от Змея у него нет и никогда не будет. И пусть ему будет стыдно, если он позволил этой ловкой серой мышке себя одурачить.

Однако в спальне никого не оказалось, да и кровать уже была застелена, совершенно невероятное зрелище для такого часа. И неважно, что на рыночных площадях и бульваре уже всю распахнуты витрины магазинов и двери лавчонок, а королевская стража опустила центральный мост. Герцог Геверт Адерский никогда не относился к людям, желающим поглазеть на церемонию открытия главных ворот королевского замка.

Змей решительно вышел из спальни, несколько секунд размышляя, где могут находиться Герт и монашка, и придумывал наказание совершенно распустившемуся Патису, затем, поверив интуиции, решительно пересек маленькую гостиную и распахнул дверь в кабинет.

Эста расслышала шорох открывшейся в гостиную двери, скрип паркета под решительными и быстрыми шагами, затем явно от бесцеремонного рывка открылась еще одна дверь.

Некоторое время ничего не происходило, но девушка не обольщалась, она сразу догадалась, кто мог так ворваться в спальню герцога, и была внутренне готова к встрече. И даже к тому, насколько будет разъярен Дагорд. После того как Эста получила послание настоятельницы с извинениями Змея, девушке не нужно было особо напрягать воображение, представляя, как происходила встреча матушки и графа.

Но все это сполна окупилось полученными от Герта сведениями, какие глупышка ловко выудила, пользуясь отсутствием Змея. Сначала девушка выяснила у кухарки все подробности о странностях камердинера. Оказалось, Патис имел обыкновение после обеда улизнуть в чуланчик или другой укромный уголок и поспать там часа два, потому и бродил потом по дому вечерами и с раннего утра. Пользуясь этой информацией, Эста именно в послеобеденное время притащила в кабинет стопку книг и принялась выяснять, какая нравится господину больше всех.

Сначала герцог, желая поскорее отвязаться от этой скучной миссии, был немногословен и чаще говорил да и нет, чем нечто более пространное. Однако вскоре чтице удалось его разговорить, а к тому времени, как принесли чай, рассказывал уже он один, изредка поощряемый в самых трагических местах восхищенным или пораженным восклицанием.

И теперь Эста точно знала: огромный гонорар, легший за ее контракт в сундуки монастыря, вовсе не плата за паранойю знатных неженок. Да и не был Герт неженкой, вот в этом графа, бывшего наставником своего господина, упрекнуть невозможно. Сестра Тишины добрых полчаса лично наблюдала, как после вчерашнего знаменательного завтрака герцог, одетый лишь в накиннутую поверх тонкой рубахи легкую холщовую безрукавку, доблестно рубил во внутреннем дворике ни в чем не повинное соломенное чучело.

Стремительные шаги вырвались из спальни, пронеслись в направлении выхода и вдруг, ненадолго приостановившись, ринулись в сторону кабинета.

— Все понятно, — заявила Эста и с кажущейся небрежностью захлопнула толстый фолиант, в котором прятала нарисованный вчера вместе с Гертом план его замка в Адере.

А в следующий момент дверь распахнулась.

Эста специально сидела вполоборота к двери и задумчиво крутила в пальцах браслет, вызывающий во взгляде герцога на эту дешевую безделушку тоскливую снисходительность. Но не объяснять же ему, сколько на самом деле отдано за эту вещицу, какой при беглом взгляде побрезгует любой грабитель?! Едва ли не больше, чем за кольцо с сапфиром на его безымянном пальце.

И уж тем более не стоит говорить про отражение застывшего на пороге Змея, которое глупышка отлично видит в безукоризненно отполированных камнях.

Оказавшись в комнате, Дагорд с одного взгляда рассмотрел более чем неожиданную картину: необычно бодрого с утра Геверта, склонившегося над стопкой лежащих перед ним на рабочем столе книг, остатки завтрака на маленьком столике у горящего очага и, главное, женщину, сидящую напротив его светлости. Совершенно не похожую на ту, какую он вел от монастырских ворот к карете два дня назад.

Хотя лица пока видно не было, но Змей был уверен в своей способности узнать любую девушку по осанке и спине. Но вот этой, затянутой в синее платье стройной спинки, на которую падал перехваченный васильковым шарфом хвост чуть вьющихся пшеничных волос, прежде он никогда не видел.

Понимание этого мгновенно насторожило графа, разбудило в его душе врожденную бдительность и недоверчивость, весьма усиленную событиями последних двух лет.

Он промедлил всего несколько секунд, лихорадочно пытаюсь сообразить, как поступить, и за эти мгновенья Геверт успел поднять голову, узнать друга и ринуться ему навстречу.

— Змей! Ну, наконец-то ты приехал... что случилось?

— Доброе утро, ваша светлость. — Вида голубых встревоженных глаз и озаренного облегчением лица друга Дагорду хватило, чтоб понять: его господин цел, здоров и даже в своем уме.

И это помогло ему мгновенно собраться, взять себя в руки и начать действовать осмотрительно, как в бою.

— Извини, Дагорд, — сразу понял вежливый упрек герцог, — я просто слишком волновался за тебя.

— Не стоило, я же приехал на полдня раньше, чем намечал. — Эста расслышала невольно скользнувшую в голосе Змея едкую усмешку, но даже не пошевелилась, начиная подозревать, что бури, вероятнее всего, не будет.

И хотя пока не ясно, какой способ отомстить выберет Змей, но понятно со всей отчетливостью: прощать бывшей подопечной своего унижения он не намерен.

— А ты не представишь мне свою гостью? — тем же тоном продолжил Дагорд и снова встревожился, рассмотрев, как округлились в недоумении глаза герцога.

— Мы знакомы с вами, Змей, — вставая и поворачиваясь к графу лицом, учтиво произнесла незнакомка. — И я получила ваше послание с извинениями. Разумеется, я вас прощаю. Разрешите мне уйти, ваша светлость? Я возьму эту книгу, выберу самые интересные главы для чтения.

Вот теперь он ее узнал, хотя и не поверил сначала собственным глазам. Изменилось почти все. Даже голос, он стал звонче и женственнее, не говоря об остальном. Монашку словно промыли струями бешеного летнего ливня, как пыльные придорожные кусты, и в ней появились незаметные прежде краски. Голубизна глаз, легкий румянец скул и губ, темный шелк словно вышитых бровей.

И вот эти красноречивые перемены заставили Змея насторожиться еще сильнее и заподозрить, насколько более сложна игра, которую ведет эта монашка, чем он мог предположить ранее. И потому он не мог смолчать и дать ей уйти вот так просто, с гордо поднятой, как у победительницы, головой.

— Надеюсь, мне простится эта ошибка, госпожа Эсталис, — ядовито заметил Змей, опускаясь в кресло у очага. — С того момента, как мы виделись в последний раз, вы очень сильно изменились, прямо-таки расцвели. Похоже, вам на пользу столичный климат.

— Ох, большое спасибо за комплимент, — с почти незаметной иронией легкомысленно улыбнулась глупышка, — просто я прекрасно выспалась и отдохнула от трудностей дороги. И готовят тут замечательно.

Она улыбнулась еще раз открытой простодушной улыбкой и вышла, плотно прикрыв дверь.

Змей невольно стиснул зубы и нахмурился, она умудрилась одной фразой напомнить ему про совместное путешествие и его оплошность.

— Так что у вас произошло в дороге, Даг? — Настойчивость, прозвучавшая в голосе его светлости, свидетельствовала о внимании Герта, сумевшего заметить двусмысленность в коротких и ничего не значащих на первый взгляд фразах. — Кстати... я хочу видеть контракт.

— Вот он. — Граф достал из кармана узкую шкатулку с секретом, покопался с полминуты, нажимая и откручивая украшавшие ее завитки и камушки, и достал довольно потертый лист бумаги. — Меня предупредили, что на третий день он исчезнет.

— Лишь бы чтица не исчезла, — начиная читать, небрежно обронил герцог, и Змей ехидно ухмыльнулся.

— А вот этого никто не обещал, как гласит тринадцатый пункт.

— Какой? — Герт быстро взглянул в конец списка довольно простых пунктов, прочел и пожал плечами. — Но это же обычная мера предосторожности, они всегда есть в подобных договорах.

— Только никто не предполагает наличия у наемниц порталных капсул, — мрачно признался граф. Лучше все сказать самому, чем ждать, пока его начнет шантажировать эта вовсе не глупышка.

— А мне она сказала, будто вы не сошлись во мнениях по поводу одного из пунктов, — припомнил герцог. — Какой это был пункт, Змей?

— Седьмой, — еще мрачнее процедил тот, — но ты же меня знаешь... я просто хотел испытать ее.

— Да? — Герт торопливо нашел седьмой пункт, прочел, изумленно приподнял бровь, прочел еще раз, представил себе это испытание, и его губы начали кривиться в ухмылке. — И до какого момента ты дошел в своих... хм, испытаниях?

— Ни до какого! — оскорбился граф. — Ты просто не видел ее в тот момент... чахлая поганка.

— И эта поганка ушла порталом. Стало быть, сыграл ты очень живенько, — весело фыркнул его светлость. — Ну, а теперь ты убедился в ее скромности?

— Скорее в лицемерии. — Граф обнаружил под крышкой одного блюда несколько ломтиков жареной ветчины и, бесцеремонно подвинув его ближе, налил себе остывший кофе. — Я все более убеждаюсь, как был прав, когда выступал против этой затеи.

— А я, наоборот, убеждаюсь в своей правоте. Эсталис очень сообразительна. Мне кажется, она сумеет найти разгадку тех... происшествий.

— Ну, разумеется, ведь она уже сумела сделать дело, какое не под силу ни одному из мужчин этого дома, — разбудить тебя в такую рань. И сразу принялась строить тебе глазки.

Змей вовсе не хотел этого говорить, и если бы не скакал, почти не слезая с лошади, перед этим больше суток, останавливаясь лишь в трактирах сменить коня да наскоро перекусить, вряд ли бросил в лицо господину такой упрек.

Дураком он не был и отлично знал грань между дружескими отношениями и фамильярностью. И теперь сразу понял по поджатым губам его светлости, что, позволив себе бестактность, перешел эту грань.

— Дагорд, я тебя прощаю... отлично вижу, как ты устал, — суховаато произнес Геверт, — но прошу больше не спорить со мной по этому поводу. Все равно это бесполезно. А подробнее мы поговорим, когда ты хорошенько отдохнешь от этого путешествия. Кстати, Мирош вернулся вместе с тобой?

— Нет. Они будут позже, — с показной покорностью отчитался Дагорд, незаметно отодвигая чашечку. — Я могу идти? Мне и в самом деле нужно отдохнуть.

Поднялся с места и направился к двери, с трудом сдерживая ярость, закипавшую в груди при одном лишь воспоминании о притворяющейся глупышкой интриганке. Обидно, но похоже, права поговорка, утверждающая: цена мужской дружбы — всего одна женщина.

Глава 6

Герт не стал останавливать друга, успел уже рассмотреть и брызги наскоро стертой грязи на сапогах, и чуть осунувшееся лицо, и необычную раздражительность. Пусть идет, отоспится, возможность спокойно поговорить у них еще будет. Но усидеть после его ухода в кабинете не смог, пусть и нельзя назвать их разговор ссорой или размолвкой, было в нем нечто такое, что тянуло душу герцога неправильностью и досадой. Он отодвинул книги и решительно пошел вниз, в оружейную, где хранил в шкафу одежду для тренировок.

И уже через десять минут яростно посыпал утоптанную тренировочную площадку свежей соломой из приговоренного чучела.

Даже не предполагая, с каким пристальным вниманием следят за ним из окон второго этажа две пары задумчивых глаз. И если обладатель темно-серых через некоторое время,

рассерженно хмыкнув, отошел от своего окна и решительно направился к постели, то хозяйка голубых еще некоторое время наблюдала за буйно махавшим мечом герцогом и все сильнее мрачнела.

Хотя ее лицо продолжало хранить внешнюю невозмутимость, отточенную годами упорных занятий, однако губы невольно все сильнее сжимались, а нежная кожа скул едва заметно натянулась.

Эсте не нужно было ни долгих наблюдений, ни каких-либо объяснений, чтобы понять состояние души герцога. Различие между вчерашней и нынешней тренировкой Герта просто кричало: его светлость чем-то расстроен. И причиной для его раздражения мог быть только недавно приехавший граф, других событий или известий за это время не случилось. Стало быть, друзья все же поссорились, и невозможно не понять, из-за кого.

И это плохо, очень плохо. Сразу по нескольким причинам. Слишком давно они дружат и слишком привыкли доверять друг другу и надеяться на помощь, поддержку и взаимопонимание. И очень скоро, буквально через несколько часов, начнут искать способы примирения. А помирившись, примутся искать причину ссоры и, разумеется, найдут еще быстрее. И это сразу все осложнит и запутает... или вообще сделает невозможным продолжение контракта глупышки. А Эсте теперь просто необходимо самой во всем разобраться, слишком уж скверные вещи просматриваются опытным взором за вроде бы случайными странностями.

Да и совершенно не желает она этой размолвки. В такой опасной ситуации Змей необходим Герту как никогда ранее. И, стало быть, ей нужно стать не виновницей ссоры, а источником примирения.

Нелегкая задача... но не невыполнимая. Говоря о своем благородном происхождении, сестра Тишины не солгала камердинеру. Она и в самом деле из знатного рода, но ради дела готова забыть про гордость и не обращать внимания ни на какие условности.

Эста решительно достала из шкафа свой плащ и ботиночки и через минуту торопливо спускалась по лестнице, пытаясь угадать, где тут выход, через который его светлость попадает на задний двор.

Дверь нашлась довольно быстро, и вскоре девушка уже неторопливо брела, рассматривая редкие желтые листья, чудом оставшиеся на кустах, и приготовленные к зимовке кусты роз, усиленно делая вид, что вышла на прогулку. А на самом деле все ближе подбираясь к добывающему чучело герцогу.

— У вас хорошая скорость, — задумчиво сообщила она, проходя мимо площадки к клумбе, где еще осталось несколько кустиков поздних фиолетовых хризантем, — но вот боковой удар слишком затянут. У врага будет удобный момент для атаки.

— Откуда вы это знаете? — усмехнулся он, останавливаясь и стирая рукавом пот со лба.

— Мои родственники тоже каждое утро тренировались, — сказала Эста чистую правду и печально вздохнула, — а я наблюдала и слушала пояснения. А почему вы тренируетесь в одиночку? Разве граф пошел отдыхать?

— Да, — нахмурился Герт, — он ехал без остановок.

— Я чувствую себя чуточку виноватой, — грустно призналась сестра Тишины, — можно было попытаться объяснить ему все еще раз. А я не сумела... и иначе поступить не могла, вы же понимаете? А вас хочу попросить: постарайтесь поскорее с ним помириться. Надежный друг — это большая редкость, и его нужно беречь. Особенно в вашем нынешнем положении. Но не ссылайтесь на меня... я для графа не лучший авторитет.

— Вот это точно, — усмехнулся Герт, — и боюсь, вам придется терпеть... его характер.

— Я готова, — смиренно заверила девушка и побрела к кустам, — а вы не стойте на ветру после тренировки. Ветер холодный.

«Ну вот, — довольно усмехнулась глупышка, срывая три цветочка для своей комнаты, — слава Тишине, вовремя успела. Герцог по-прежнему будет искать пути налаживания прежних отношений с другом, но теперь он станет думать, будто действует по ее просьбе».

Значительно труднее заставить Змея изменить мнение о ней, однако придется сделать все, на что она способна, если Эста желает помочь Геверту.

Дагорд проснулся минут за пятнадцать до обеда. Он обладал способностью просыпаться в тот момент времени, который задумал, укладываясь спать, и часто ею пользовался, вставая с постели в самый глухой час и проверяя охрану.

Он потянулся, чувствуя себя если не совсем отдохнувшим, то достаточно бодрым и голодным, чтобы не опаздывать к столу, обычно накрывавшемуся в три часа пополудни. С минуту, нахмурившись, вспоминал встречу с другом и никак не мог понять: зачем вообще начал разговаривать с проклятой монашкой? Нужно было просто не замечать ее, как он не замечал не интересующих его женщин, и все было бы прекрасно. Но еще больше он не понимал, для чего начал говорить с Гертом таким тоном. Знает ведь, как самолюбив его друг и насколько остро задевают его открыто высказанные упреки и обвинения. Теперь придется искать пути примирения и снова унижаться... и терпеть эту нахалку. Пока отношения с Гертом не вернуться в прежнее русло, ее лучше обходить за сто шагов, герцог любое слово воспримет как выпад в свою сторону, будь оно хоть трижды справедливым.

Возможности, что неправ или несправедлив в отношении к женщинам может быть он сам, граф не допускал. Все они хищницы и все стремятся только к одному: заполучить себе в единоличное пользование самого лучшего из имеющих в поле зрения мужчин, а потом день и ночь высказывать ему свои претензии и капризы.

Когда Эста пришла перед обедом в гостиную, освежив свое платье широким кружевным воротником и прихватив одну из толстых старых книг, оказалось, что у герцога гости.

Точнее, одна гостья, жгучая брюнетка в шелковом платье персикового цвета. Хотя для Эсты даже на миг не остался тайной подлинный цвет волос довольно смазливой приятельницы его светлости. По белой коже, светло-голубым глазкам и слишком светлым и редким для брюнетки бровям глупышка сразу поняла: перед ней — блондинка, выкрасившая волосы в невероятно насыщенный иссиня-черный цвет.

— Это Эсталис, моя новая чтица, — представил вошедшую герцог, — я увлекся историческими романами. А это баронесса Ритола ле Сонди.

— Очень приятно, — первой отозвалась Эсталис, разглядывая гостью с откровенным любопытством, — ах, какое миленькое у вас платье! И фасон самый модный. Вы вообще такая яркая, как бабочка, и этот цвет вам так идет! А вы любите исторические романы? Не правда ли, они очень поучительны! Но иногда хочется почитать чего-то... милого. Вы еще не читали новый роман Тефли? Ну, тот, где на обложке красавица в зеленом... а рядом вампир? Такой красавчик... просто мороз по коже!

— Взаимно, — чуть растерянно пролепетала Ритола. — Я сейчас читаю «Роковую встречу». Там такие описания... природы.

— Да, — охотно подхватила Эста, опускаясь в стоящее напротив гостьи кресло, — особенно ночной водопад! Все сверкает и переливается в лунном свете, а маркиза тоскует в беседке, и тут... ах, какая сцена!

— Я плакала, — с воодушевлением подтвердила гостья и, достав батистовый платочек, промокнула несуществующие слезы, стараясь не задеть густо покрашенные ресницы, — вы так рассказываете... просто сердце замирает. Если мне удастся уговорить герцога уступить вас, поедете ко мне во дворец?

— Не удастся, — категорично отрезал спохватившийся Герт, — как я выяснил, мне просто необходимо обновить свои знания истории, а читать сам я не люблю. Просите чего-нибудь другого, дорогая, госпожа Эсталис останется в этом доме.

Вошедший в гостиную Змей только на краткий миг досадливо поморщился: мало тут было монашки, еще и эта интриганка заявила. И как точно подгадала, за полчаса до обеда. Значит, теперь останется в доме часа на два с половиной, не меньше. А он надеялся вызвать монашку на серьезный разговор, пусть объясняет, какие намерена предпринять действия за те деньги, которые затрачены на ее контракт. Обычные чтицы стоят в сотни раз дешевле и не помнят о тринадцатых пунктах.

Однако мгновенно скрыл свое неудовольствие за учтивой, хотя и несколько прохладной улыбкой:

— Госпожа Ритола, рад вас видеть! Вы прекрасно выглядите! Как поживает ваш дядюшка? А какие новости при дворе? Просветите меня, темного, я пять дней глотал пыль провинциальных дорог и совершенно отстал от жизни.

— Обед подан, — возвестил дворецкий и распахнул дверь в столовую.

— Вы же не откажетесь с нами пообедать, дорогая? — «вспомнил» правила гостеприимства Геверт, еще обиженный на любовницу за позавчерашнее пренебрежение, но она, словно не заметив этой оплошности, заверила, что с удовольствием останется на обед.

— Мне хочется узнать мнение госпожи Эсталис о скандальном романе Лервена Хинти, надеюсь, наши мнения совпадут, — прощепетала Ритола, подавая герцогу руку.

Едва не скрипнувшему зубами Змею пришлось подать руку монашке, нарушая тем самым собственные обеты не приближаться к ней ни в коем случае.

К концу обеда граф начал подозревать: эту трапезу он запомнит надолго. Змей не менее дюжины раз успел проклясть свое намерение пообедать в столовой, чтобы лично проследить за маневрами глупышки, замыслившей очаровать его друга.

Через час он уже не мог бы с чистой совестью сказать, кто тут более глупышка, чтица или баронесса. Не успевала иссякнуть одна тема, как дамы с воодушевлением принимались обсуждать новую и при этом не забывали жарко нахваливать друг друга. И если монашка успела очень тонко похвалить «редкий» цвет волос гостьи и ее изумительный вкус, то баронесса с достойным награды упорством продолжала нахваливать собеседницу и свой собственный дворец, не забывая делать очень понятные намеки на то, как было бы прекрасно, если бы Эста служила у нее.

И если первый намек Змей встретил саркастической ухмылкой и едва не подтвердил вслух, что он мечтает о том же самом, то через час уже лишь молча наблюдал за этим соблазнением, начиная ясно понимать: кто-то твердо вознамерился заполучить так трудно доставшуюся ему глупышку. И не мог не заметить, как ловко отбивает эти настойчивые попытки мнимая чтица.

Как и не задуматься над двумя важными вопросами. Для чего или для кого так старается Ритола?! И почему Эсталис так цепляется за место у Геверта, если баронесса в открытую обещает ей и лучшую оплату, платья от самых дорогих модисток и покои для важных гостей с личной прислугой?

Змей перебрал несколько наиболее правдоподобных вариантов, но все они казались недостаточно серьезными. Или откровенно смешными. Даже если бы баронесса заподозрила глупышку в намерении влезть в постель к Герту, вряд ли она решила из ревности переманить ее в свой дворец. Попытка убрать возможную соперницу подальше от любовника была бы очень хорошим ходом, если бы герцог был дорог Ритоле всерьез. Однако она никого не любила, кроме себя и интриг, и если собственную особу баронесса обожала бесплатно, то из интриг обязательно извлекала какую-то выгоду. Или более щедрого покровителя, или дружбу с влиятельными особами, или нечто, еще не понятное никому до тех пор, пока не становилось явным для всех. Ритола и место в постели Герта получила благодаря ловкой интриге, сама познакомила его бывшую пассию с одним из придворных волокит и сама же первая примчалась утешать рогатого герцога.

Дагорд втихомолку вздохнул, вспомнив почившую Нирессу, при ней Геверт был более спокойным и покладистым, хотя сам он тогда считал, что в браке, заключенном по уговору, не могло быть ничего хорошего.

— Так я заеду завтра за вами, дорогая, — щебетала тем временем баронесса, прощаясь с Эсталис, — и мы вместе съездим в магазин. Я хочу купить все книги, какие вы посоветуете. Герцог, я с вами не прощаюсь, вы же будете вечером у госпожи Шордон?! А вас, Дагорд, больше не интересует ее коллекция ванзийского фарфора? Тогда до завтра.

— Если ты не хочешь ехать к Шордон, я тоже могу остаться дома или давай поедем к Кадерту? — вернувшись, обратился Герт к другу так запросто, словно еще недавно не витала над ними тень размолвки.

— Езжай к Шордон, у меня есть дела, — небрежно ответил Змей, искоса поглядывая на монашку, не произнесшую после ухода баронессы ни слова.

Она даже десерт отодвинула, сидела, задумчиво катая в бледных пальчиках вишенку, и по ее спокойно-безучастному личику совершенно невозможно было понять, какие мысли одолевают только недавно так оживленно болтавшую глупышку.

Эста решала в этот момент очень важный вопрос, сколько можно сказать Герту и его другу, дабы они осознали всю серьезность происходящего. У нее не было ни малейшего сомнения в том, кто именно прислал сюда лживую баронессу, но свой выбор девушка сделала еще в монастыре и отступить от него не собиралась. Ни одна из сестер Тишины не пойдет на подобную подлость даже за двойной гонорар или королевские апартаменты. Значит, придется проявить определенную твердость, хотя можно не сомневаться, Змей мгновенно поднимет все иглы, как обозленный дикобраз.

— Боюсь, — мягко сообщила глупышка, глядя прямо в глаза герцога, — ваша светлость забыли о своем намерении сразу после обеда выехать в свой замок.

Змей едва не подавился чаем, услышав это заявление, а Герт распахнул свои голубые глаза так широко, что графу стало предельно ясно, герцог тоже первый раз слышит о «своем» намерении.

— Каким ты стал забывчивым за последние дни, друг мой. — Змей давно получил от его светлости право обращаться на «ты» и решил после примирения воспользоваться им, чтобы произнести эти слова снисходительно-укоризненным тоном. — Собрался уехать и никому об этом не сказал, кроме госпожи Эсталис!

— Вы тоже собирались ехать с его светлостью, граф, — также тихо уточнила Эста и тоже добавила в свой голос укоризны. — Я иду собирать сундук, помнится, в вашей конюшне еще остались лошади. Мне хватит на сборы полчаса.

— Да что, демон побери, происходит?! — Рассмотрев лицо нахмурившегося, но невозвращающегося Геверта, Змей повернулся к монашке и начал приподниматься с места с самым угрожающим видом.

И тут обнаружил, что она смотрит прямо на него тем самым печальным и расстроенным взглядом, который жег графа всю дорогу от Туриса до монастыря, заставляя ворочаться в мягких перинах и незаслуженно проклинать кочки и рессоры. И одновременно в памяти всплыла и досада на себя самого. За невнимательность, излишнюю самоуверенность и поспешность.

Змей стиснул зубы и сел на место, продолжая сверлить ее недоверчивым, изучающим взглядом и не находя на лице глупышки ни тени сомнения или раскаяния.

— Слуги могут приехать и позже, а историю короля Карива обсудим в карете, — вставая, еле слышно уронила Эста и направилась к выходу.

Звук шаркающих шагов камердинера девушка узнала еще в тот момент, когда он подошел к двери.

— А Харик? — чуть растерянно произнес Герт, который никак не мог прийти в себя. — Он не привык... оставаться без меня.

— Но в карете ведь для него хватит места, — немедленно отозвался Змей, пряча ехидную усмешку.

Почему-то все дамы, услышав эту кличку, обычно представляли себе маленькую собачку или кота.

— Безусловно, — кивнула монашка и вышла из столовой.

Глава 7

— Какой костюм приготовить вашей светлости на вечер? — поинтересовался едва не столкнувшийся с девушкой слуга и озадаченно насупился, услышав в ответ:

— Дорожный. А пару простых костюмов немедленно упакуй в сундук. Мы уезжаем, — вспомнив предостережения Эсты, герцог на миг запнулся и уверенно добавил: — На несколько дней в провинцию, в имение моего учителя, он приболел. Поторопись и прикажи запрячь карету. Хар едет со мной, побеждает на воле.

— Герт? — осторожно спросил Змей, едва вышел потрясенный услышанным камердинер. — А ты хорошо подумал?

— Конечно, — кивнул герцог, вовсе не настолько уверенный в своих словах, как хотелось бы ему самому, — иди, собирайся. Ты же не откажешься поехать с нами?

— Да уж не откажусь. — Против воли графа в его голосе проскользнула угроза. — Только из чистого любопытства.

Он хотел сказать, что еще и из желания вывести на чистую воду все замыслы этой интриганки, но вовремя прикусил язык. Не стоит снова злить друга, так безоговорочно подчиняющегося своей чтице. Да он даже Нирессу никогда так не слушал, всегда отстаивал право на собственное мнение.

Дагорд встал, пожалуй, чуть более резко, чем положено согласному с решением господина советнику, именно так официально называлась его должность, и поспешил уйти, пока не прорвалось копившееся в душе все последние дни раздражение.

Геверт проводил друга огорченным взглядом и тоже отправился собираться. Хотя ему в отличие от спутников и не нужно складывать в сундук камзолы и рубашки, было несколько вещиц, которые герцог не доверял никому и всюду возил с собой. Как и Хара, вытасченного два года назад из горной расщелины крохотным беспомощным комочком.

Эста торопливо дописала последнюю строчку, подумала, незаметно вздохнула и добавила несколько слов. За ошибки и намеренное отступление от строгих правил

матушка, конечно, может и поругать, но за попытки утаить информацию просто перестанет помогать. А это было самым страшным наказанием для взявшей контракт сестры Тишины.

Отправив послание, девушка торопливо переделалась в дорожное платье и сложила сундук, потратив на это меньше времени, чем самая ловкая горничная. Оглядела комнату, в которой прожила так недолго, и достала из саквояжа один из пузырьков со снадобьями, подписанный — «средство от болотной лихорадки». Совершенно бесполезное с точки зрения любого здравомыслящего человека, решившего заглянуть в вещи глупышки. В этих местах о случаях болотной лихорадки не слышали даже лекари.

Капнув на ладонь крохотную капельку густоватого зелья, девушка сначала плотно заткнула флакончик притертой пробкой, а затем кончиком пальчика, обмакнутого в душистую капельку, осторожно коснулась щек, лба, подбородка и тыльной стороны кистей рук. Остальное она растерла между ладоней, провела по лицу и волосам, огладила руками платье и плащ от шеи до края подола.

Видела она вчера вечером этого «Харика», когда герцог выгуливал его во дворе. И хотя прекрасно рассмотрела, как послушен и ласков с Гертом его питомец, не менее хорошо была осведомлена, что обычно такая любовь у представителей его рода на посторонних людей не распространяется.

В дверь постучали, и вошел слуга, держа в руках тугий сверток.

— Граф Феррез велел вам передать.

— Спасибо, — вежливо улыбнулась девушка, — подождите минутку, нужно будет отнести вниз мой сундук.

В свертке предсказуемо оказались ее вещи, и Эста немедленно добавила их в сундук, заперла его на ключ и позволила лакею унести багаж. Прихватила саквояж, не забыв спрятать зелье, и, накинув на голову капюшон, поспешила следом, ей лучше оказаться возле кареты первой.

Дорожная карета с герцогскими гербами по сравнению с модными, изящными каретами столичной знати казалась на вид старинной и неуклюжей, но Эста точно знала, что это не так. На самом деле путешествовать в ней намного надежнее, да и диваны шире и удобнее. Слуги уже устанавливали в багажное отделение сундуки и корзины с провизией, кучер проверял упряжь, а трое охранников приторачивали к седлам свои дорожные мешки.

Эста остановилась на нижних ступеньках крыльца, раздумывая, очень сильно она шокирует слуг, если попросит открыть ей дверку, или все же стоит подождать, пока появится Герт? И как поступить, если он приведет своего питомца? Девушки, не пугающиеся таких зверей, — большая редкость, а все необычное быстро запоминается окружающими и долго потом пересказывается, становясь едва ли не легендами. А ей такого удовольствия и за деньги не надо. Главная задача глупышки, как и тихони, быть обычной и незаметной, и вот именно это Эсте пока удавалось довольно плохо.

— Никогда не предполагал, что есть женщина, умеющая собираться быстрее меня, — раздался за спиной девушки ехидный голос графа, явно постаравшегося подойти незаметно, но глупышка даже не вздрогнула и не повернула головы.

— У меня не был распакован багаж, — учтиво солгала девушка, радуясь своевременному появлению Змея. — Вы не будете так любезны открыть мне дверцу? Меня немного знобит... наверное, простыла в дороге.

— С удовольствием, — желчно бросил граф, распахивая дверцу, но его выпад остался без внимания.

Монашка птичкой впорхнула в карету, устроилась в уголке переднего сиденья, сунула под подушечку свой саквояж и облокотилась на него с намерением немного обдумать предстоящий разговор. Ей уже было предельно ясно, несмотря на все извинения и просьбы о прощении, Змей не оставил намерений постоянно контролировать ее действия. Значит, придется убеждать графа в неверности такого решения, нужно лишь выбрать способ, каким это проделать. Разумеется, можно было бы просто предъявить ультиматум, но в таком случае он уже больше никогда не станет ей союзником. Да и Герт будет переживать. Видно, снова придется действовать на грани заученных инструкций и импровизации.

— Мне сказали, Эсталис, вы уже устроились? — распахивая дверцу, осведомился герцог. — А я хотел познакомить вас с Харом.

— Познакомимся в дороге, — мягко улыбнулась Эста, — я тут уже пригелась.

— Тогда садимся, — скомандовал Геверт и влез в карету, — давай поводок, Дагорд.

Однако подать поводок граф не успел. Сообразив, что они едут кататься, питомец герцога одним прыжком вскочил внутрь и вспрыгнул на сиденье рядом с Эстой.

— Какой красавец, — восхищенно сообщила глупышка, когда граф торопливо влез вслед за зверем и дверца хлопнулась, — думаю, можно снять с него намордник.

— Вы так считаете? — обрадовался Геверт. — Иди сюда, Хар! Он очень ласковый и никого еще не тронул. Но все дамы обычно падают в обморок... или начинают визжать.

— Я не дама, — сказала Эста тихо и твердо, рассматривая серого, как грозовая туча, ирбиса, — а он действительно очень хорош.

Освобожденный от намордника зверь в порыве нежности потерся лбом о колени хозяина, грациозно развернулся и устался на Эсту внимательным взглядом зеленовато-желтых глаз. Она чуть заметно усмехнулась и достала из кармана салфетку, в которую был завернут прихваченный на кухне кусок холодной телятины.

— Можно я сделаю ему подношение в знак дружбы? — подняла девушка глаза на Геверта. — Или вы сами его угостите?

Дагорд разочарованно поджал губы: ничего не скажешь, хитра монашка. И определенно заранее вызнала у слуг, чем кормят Хара. Впрочем, никто этого и не скрывал, за два года пристрастия ирбиса успели изучить все слуги и даже гости дома.

— Конечно, — кивнул Герт, — можете угостить.

— А потом напомните нам, когда это мы захотели отправиться в замок, — хмуро добавил Змей, глядя, как мясо исчезает в пасти Хара, — пока мы не отъехали слишком далеко и еще можем вернуться.

— Вы никогда такого не решали, — стараясь не злиться на графа за это упрямство, кротко произнесла Эста, — это я так решила. Вспомните пункт третий. Если по вине клиента сестре Тишины грозит разоблачение или ее пытаются переманить, она имеет право порекомендовать клиенту оптимальный вариант действий.

— Третий? — с сомнением произнес герцог и полез в карман искать контракт, но друг его остановил:

— Не ищи, я выучил контракт наизусть. Там и в самом деле так сказано. Вот только, по-моему, рекомендация была больше похожа на приказ.

— Мне не оставалось ничего другого, — с сожалением взглянула на него Эста. — Под дверь уже стоял Патис.

— Неужели бедняга Патис кажется вам похожим на шпиона или лазутчика? — презрительно скривился Змей. — Ну уж вот это совершенная глупость.

— А вы глупышку и нанимали, — спокойно парировала Эста, — но только, чтобы вас успокоить, могу сказать, я вообще никогда ничего не предполагаю, и мне ничего не

кажется. Я говорю только то, что знаю совершенно точно. Камердинер Патис каждый раз останавливается, подойдя к двери, и прислушивается к разговору находящихся в комнате людей. Еще он никогда не стучит, встает раньше всех остальных слуг, кроме кухарки, ложится вообще позже всех, дружит с привратником и спит после обеда в чулане. Еще любит первым узнавать все новости, имеет свое мнение обо всем, происходящем в доме, и очень не любит вас, Змей.

— Демонская сила, — изумленно уставился на нее Герт, — совершенно верно. Кто вам все это рассказал?

— Никто, ваша светлость, — покосившись на задумавшегося Змея, кротко пояснила монашка. — Сестры Тишины не верят беспрекословно ничьим рассказам.

— Ну, допустим, некоторые из этих фактов действительно выглядят подозрительно, — заявил, нахмурившись, граф, — но он давно работает в доме герцога и неплохо получает. Зачем бы ему это было нужно?

— Что именно? — вежливо осведомилась Эста и осторожно почесала лоб Хара, привалившего к ее коленям крупную голову.

Ирбис довольно мурлыкнул.

— Шпионить, — сквозь зубы уточнил граф.

— Когда я такое утверждала? — так же вежливо удивилась глупышка. — Я лишь перечислила достоверные факты.

— Но тогда почему нельзя разговаривать, когда к комнате подходит камердинер? — Герт, никогда не интересовавшемуся шпионами и интригами, казалось, будто в этом разговоре они загнали чтицу в угол.

— Потому что пока мне ничего не известно о том, с кем, кроме привратника и дворецкого, любит беседовать Патис. Однако понятно другое: камердинер любопытен, бесхитростен и равнодушен к лести. Мне объяснять дальше?

— Не нужно, — нахмурившись, отказался Змей, — значит, мы теперь будем жить, как шпионы, чтобы выяснить, почему Ритолу вздумалось заполучить вас в свой дворец?

— Нет. — Монашка печально посмотрела на графа: придется сделать выпад, который может навсегда убить надежду найти с ним общий язык. — Вы специально делаете вид, будто не знаете этого?

— С чего вы взяли? — насторожился он. — Откуда я могу знать причины ее настойчивости?

— Но ведь мы целый день ехали с вами вместе, Змей. Вы же сами знаете, не так уж много ездит по дорогам королевства мужчин с такой броской внешностью, как ваша.

— Спасибо за комплимент, — съязвил он.

— В вашем случае это далеко не комплимент. Вы довольно известная личность и ехали, не прикрывая лица. Да и в харчевню вошли открыто.

— Ну, неужели вы считаете, будто подавальщик в харчевне меня тоже узнал? — начал злиться Змей, отлично понимая: монашка в чем-то права.

— Я вам уже два раза говорила, сестры Тишины не строят догадок и ничего не предполагают? А говорят только то, о чем знают точно? Так вот, я знаю точно, в этом году заявок на девушек, владеющих необычными ремеслами, было больше, чем уходящих из монастыря сестер Тишины. А поскольку все господа, приехавшие к воротам монастыря в надежде заключить контракт, ночевали в одной харчевне с вами, Змей, можно не сомневаться: вас они и заметили, и узнали. А позже некоторые из них обедали в одном трактире с нами и не могли не понять, что вы везете глупышку. Вот кто из них работает на господина, которому контракта с монастырем не досталось, я знать не могу, но это уже и

не важно. Если бы госпожа Ритола не явилась сегодня на обед, я могла бы надеяться, что пославший ее оставил надежду и успокоился. Но вы сами могли убедиться в обратном.

— Вы его знаете? — уставился на Эсту герцог.

— Нет. Не знаю. А предположений никогда не высказываю.

Глава 8

Некоторое время они ехали молча, и тишину в карете нарушало только довольное урчание дремлющего Хара, которому монашка задумчиво почесывала лоб.

— Значит, это действительно я своими действиями выдал тайну людям неизвестного нам господина, — мрачно изрек через полчаса Змей, никогда не отказывавшийся от признания своих оплошностей, как бы тяжелы и неприятны они ни были. — И как нам теперь поступить?

Эста удовлетворенно усмехнулась про себя, вот это уже была победа. И то, что граф, наконец, хотя и под нажимом обстоятельств, решился признать себя пусть пока и не соратником глупышки, но зато не врагом. И особенно важно его признание ее права на предложение способов решения проблем. Однако вслух она этого говорить никогда бы не стала: никого так сильно не желают придушить мужчины, как торжествующе празднующих свою правоту женщин.

— А мы уже делаем, — мягко отозвалась девушка, — едем в замок. Мне известно о том, что Адер — неприступная крепость и в ней хорошо обученная, хотя и немногочисленная охрана. А с нашим приездом она станет на семь человек больше. Или даже на восемь.

— Надеюсь, — не выдержал угрюмый граф, — это вы не себя считаете за двоих сразу?!

— Себя я считаю только за одного, — также приветливо сообщила девушка, — хотя и не умею махать мечом. Да и тяжелый арбалет мне не по руке, но кое-что все же могу. Нет, восьмым я считаю Хара, эти звери издавна воспитывались в северных крепостях Анхары как сторожевые. Никто не сравнится с ним в чуткости... и преданности, нужно лишь немного его натренировать.

И она снова почесала лоб счастливо мурлыкнувшего ирбиса.

— Но ведь он совершенно миролюбивый. — Герт у явно не понравилось предложение сделать бойцом его огромную живую игрушку.

Да и идея на несколько дней или недель застрять в Адере тоже не нравилась. Герцог не очень любил доставшийся ему в наследство замок и старался никогда не вспоминать обстоятельств, этому способствовавших.

— Надеюсь, таким и останется... — загадочно вздохнула девушка, и в карете снова надолго поселилось молчание.

— Подъезжаем к Баргейну, — стукнув в окошко, сообщил кучер, когда на улице уже стемнело, — куда прикажете ехать на ночлег, ваша светлость?

— Езжай пока прямо, мы сейчас решим, — отозвался герцог, успевший за это время обдумать все происходящее и осознать, что в том давнем споре, когда решалось, нужно ли тратить бешеные деньги на какую-то монашку, прав был он, а не более решительный и опытный друг.

Однако Герт ни на секунду не возгордился своей победой, наоборот, начал тревожиться, как бы это обстоятельство не слишком задело самолюбивого графа. Он и так в последнее время получил два ощутимых удара, и герцог считал своим долгом поддержать друга, как тот поддержал его четыре года назад. Да и последние неприятности

связали их прочными узами сообщничества, и если глупышка не сможет помочь им найти объяснения происходящему и способ спасения, то надеяться они смогут только друг на друга.

— Как ты считаешь, Дагорд, — спросил его светлость у друга, — где нам лучше переночевать?

— Думаю, этот вопрос тебе следует задать не мне, — не купился на дружеский тон Змей, — а госпоже Эсталис. Она лучше меня разбирается в шпионских играх.

— Откуда я могу знать, — кротко изумилась Эста, — кого из своих знакомых, имеющих возможность принять толпу незваных гостей, вы рады навестить больше всех?

— А разве нам не нужно скрывать, куда мы едем, и останавливаться на самых затрапезных постоянных дворах под чужим именем? — Герт, никогда до этого не бывавший в подобной ситуации, явно имел слабое представление о шпионской скрытности.

— Для этого нам нужно замазать грязью гербы на карете, — нехотя просветил друга Змей, — переодеться и снять с рук все перстни, надеть шляпы с огромными полями или маски и, главное, усыпить и упаковать в покрывала Хара.

— Я никогда не делаю предположений, — нарочито вздохнула глупышка, — но если бы оказалась на месте господина, желающего получить сестру Тишины, то прежде, чем посылать в ваш дом госпожу Ритолу, непременно оставила бы на улице несколько соглядатаев.

— Вы полагаете... — начал Змей и досадливо стиснул зубы, вот сколько раз проклятая монашка уже повторила свою фразу про догадки и предположения?! — Хорошо, это легко проверить. Хирин, — дернув шнурок звонка, приказал граф заглянувшему в оконце кучеру, — как увидишь переулок, где побольше кустов, гаси фонарь и сворачивай туда. Да не забудь дать знать Итеру, чтобы молчали.

— Понял, — сообразительно кивнул кучер и прикрыл окно.

— Вы не против, Эсталис, если мы погасим светильник? — сухо вато осведомился Дагорд, стараясь не думать о том, что волноваться в этом случае должна вовсе не девушка, а наоборот, они с герцогом. А вдруг, вновь засветив дорожную лампу, друзья обнаружат напротив не так дорого оплаченную и нелегко доставшуюся глупышку, а всего лишь пустое место.

— Разумеется, гасите, — ровно произнесла монашка, и губы потянувшегося к лампе графа невольно исказила ехидная усмешка. Как верно он предположил, что ее таким предложением не смутить.

Едва лампа, мигнув, погасла, Змей приоткрыл дверцу и выглянул наружу. Герцог последовал его примеру и высунулся со своей стороны, а Эста, наоборот, закрыла глаза, вслушиваясь в происходящее на улице.

Вокруг жил своей жизнью маленький, но довольно бойкий городок, стоящий на берегу судоходной речки. Кроме того, в нем пересекалось несколько дорог, столичный тракт, ведущая с предгорий тропа и южная дорога, по которой гнали в столицу на продажу скот и везли шерсть.

Именно поэтому он не засыпал с наступлением темноты, как похожие по размеру тихие провинциальные городки, а продолжал суетиться и шуметь. Где-то дальше, с южной окраины, доносились блеяние овец и ржание лошадей, лаяли собаки и изредка слышались гортанные крики погонщиков, в соседних домах звучали музыка и смех, в стороне раздавалось шарканье оселка по металлу.

Эста сортировала в сознании эти звуки, как разноцветные бусины, отбрасывая в сторону не интересовавшие ее сейчас. И вскоре остались только дыхание спутников и

насторожившегося Хара да хруст какой-то веточки, до которой дотянулась одна из лошадей. Кучер и охранники герцога сидели молча и недвижно, как статуи, в вопросах выучки своих подчиненных дисциплине и бою Змей был одним из лучших в королевстве.

Не прекращая своего занятия, девушка вскользь отметила, что это еще одна причина наладить с графом если не приятельские, то хотя бы лояльные отношения, насколько ей известно, в замке герцога охрана — это большая часть обитателей.

Топот подкованных лошадей она разобрала издали и даже определила: всадников не один и не два. Но вовсе не сразу шепнула спутникам короткое слово — «едут», и то лишь для того, чтоб они не упустили ни одной детали, какую смогут рассмотреть, раз уж не оставили ей места у оконца.

Отряд всадников торопливо проскакал мимо и, судя по шумному, но размеренному дыханию лошадей, это были именно те, чье появление она предсказала, но Эста упорно молчала, ожидая вердикта спутников.

— Пятеро, — шепнул герцог, закрывая свою дверку и откидываясь на спинку сиденья.

— Да, — хмуро подтвердил граф, захлопнул дверцу, помолчал и добавил: — Люди герцога Эфройского.

— Демон, — ошеломленно выдохнул Герт, — ты уверен?

— Двое в форме. А зачем им скрываться? Никто ведь не осмелится поинтересоваться, куда и зачем скачут люди его светлости? — желчно фыркнул Змей. — Право, теперь я даже не знаю, как лучше поступить, по-хорошему отдать им нашу глупышку и получить двойное вознаграждение, какое обещала эта маленькая пройдоха Ритола, или скакать всю ночь в замок и начинать готовиться к осаде?!

— Лучше поехать туда, где нас накормят и предоставят возможность отдохнуть, — не скрывая насмешки, спокойно ответила Эста, ну ясно же, что, говоря о ней, как о серебряной статуе богини Удачи, граф пытается возместить себе недавнее унижение?!

— Это была некрасивая шутка, Дагорд, — сухо вато поддержал чтицу герцог, минуту помолчал и принял решение: — Мы едем к графине Кроуди.

«Росалина ле Кроуди, графиня тридцати шести лет, хотя всем говорит, будто ей двадцать девять, троюродная кузина герцога по материнской линии. Уже девятнадцать лет как она пребывает замужем за графом Кроуди, имеет восемнадцатилетнюю дочь Берисетту и отличается неумеренной любовью к родственникам. Кроме хозяев, в доме постоянно живут две или три племянницы графа. В особняке частенько устраиваются вечера и обеды, якобы ради развлечения Берисетты, но на самом деле блистает на них ее матушка», — моментально всплыла информация в голове сестры Тишины.

Поступок хозяйки, позволившей Эсте первой сделать выбор контракта, дал девушке возможность внимательно перечитать все, чего она не знала о нанимателе ранее.

Ей было совершенно ясно, почему Геверта тянет в дом кухни, но возражать она и не подумала. Глупышки вообще не спорят с хозяевами, и та решимость, с какой она сегодня повернула события, была всего лишь вынужденной мерой.

Дом графа Кроуди приветливо встречал путников большими фонарями, горевшими у ворот и вдоль подъездной дорожки, сиял ярко освещенными окнами и пленял запахами духов, цветов, жареного мяса и еще десятками ароматов, говорящих каждому, кто оказывался на крыльце, что в семействе праздник. Герцог с графом заметно приободрились, такие запахи и большого поднимут с постели, не говоря о молодых здоровых мужчинах, а Хар насторожился и недовольно мотнул головой, когда Герт потянулся к нему надеть намордник.

— Если графиня выделит мне комнатку, я могла бы взять Хара с собой, — кротко предложила Эста, — и немного погулять с ним перед сном.

— Вы так уверены, что он будет вас слушать? — скептически усмехнулся граф.

Однако Герт, очень не любивший запираить питомца в чуланах, неподдельно обрадовался этому предложению, точно зная: иного выхода оставить ирбиса на свободе нет. Герцог отлично знал порядки в доме Кроуди, где гостям не принято было вставать из-за стола до полуночи.

— А мы посмотрим, может, и будет. Эсталис ему понравилась. Я даже могу сам лично довести его до этой комнатки.

Дагорд только саркастически хмыкнул, старательно пряча усмешку, но возражать больше не стал, как и говорить заранее о своих подозрениях. Просто взял на заметку проснуться в три часа ночи и проверить эту самую комнатку.

Ведь всегда можно сказать, будто волновался, не капризничает ли зверь?

Встречать гостей вместе с дворецким и толпой слуг на крыльцо пожаловала сама Росалина, веселая, ухоженная, с приятной глазу округлостью форм и глубоким бархатистым голосом.

— О господи, какая радость, Геверт, дорогой, но почему ты не предупредил! Мы бы выслали вам навстречу людей, на дорогах так опасно! Проходите, вы так вовремя, мы празднуем день рождения Ивессы, вы же помните троюродную племянницу Каборда? А это кто? Ты привез своего зверя? Ох, нужно срочно освободить ему клеть, Ферри, распорядись!

— Не нужно, Ферри, — сумел, наконец, вставить слово герцог. — Хар переночует в комнате чтицы. У вас ведь найдется комнатка для моей чтицы, Росалина? Это только на одну ночь, рано утром мы уезжаем.

Как это он вовремя ввернул про отъезд, скромно стоя у крыльца рядом с Харом, усмехнулась про себя Эста. Судя по разочарованному взгляду графини, при виде герцога с другом в ее голове мигом построилась какая-то замысловатая интрига.

— Идем, Хар, погуляем, — закончив ужинать и скормив ирбису почти все мясо со своей тарелки вдобавок к принесенному для него куску, Эста накинула плащ и взяла в руки поводок.

Как она и предполагала, замечательное зелье, изготовленное сестрами монастыря Тишины и делающее добродушными даже диких животных, очень расположило к ней огромного кота. А длительная совместная поездка на одном диване позволила ему причислить ее к клану друзей. Едва увидев в руках девушки поводок, ирбис радостно прыгнул со стула, с которого внимательно следил за трапезой соседки по столу, и потерялся лбом о ее юбку. Гулять он очень любил.

В саду тоже стояло несколько фонарей, но поменьше и было по-осеннему пустовато, хотя миленькие молодые елочки и несколько рябин, а также кустики поздних цветов делали его довольно нарядным. Хар немедленно умчался обследовать сад, и Эста снова отметила, что иногда он ведет себя как собака. Видимо, сказалось воспитание приемной матери. Герт рассказал, как замковый лекарь предложил подложить Хара одной из собак, кормившей щенков, когда герцог нашел в скалах крохотного ирбиса, почему-то брошенного матерью.

Девушка немного погуляла между елочек, ей тоже хотелось размять ноги, и совсем уже собралась позвать зверя, как на широкой террасе, выходящей в сад, раздался

игривый женский смех и мужской голос. Слишком знакомый, Эста его сразу узнала. Как быстро, однако, граф позволил себя поймать! Наверняка его уже ведут «показывать сад».

Девушка вмиг отступила назад, за елочку, и ниже надвинула на голову капюшон, становясь с этого момента почти невидимой. И только секундой позже задумалась: зачем так поступила?! Не проще ли было гулять открыто по аллее, чтобы не вызвать никаких подозрений? Хотя о причине своего интуитивного поступка сестра Тишины догадалась, едва немного поразмыслила. Не хотелось давать графу лишний повод для подозрений и язвительных насмешек, особенно при любознательных кузинах графини.

Эста и от ужина за праздничным столом отказалась, сославшись на усталость, избегая встречи с этими девицами. Сестра Тишины отлично знала, как они любят рассматривать всех попавших им на глаза незнакомок, чтобы позже, собравшись в какой-нибудь гостиной за десертом, подробно обсудить и осудить каждую оборку и каждое движение. Эсте было абсолютно безразлично их мнение, просто не хотелось тратить зря силы, когда есть возможность отдохнуть.

Неслышной походкой, осмотрительно продвигаясь в глубь сада только по затененным елками уголкам, девушка вышла, наконец на дорожку и негромко позвала ирбиса. А затем, откинув капюшон, уже открыто зашагала назад посередине аллеи.

Хар выскочил из кустов, ничуть не напугав Эсту, но от неспешно бредущей навстречу парочки немедленно донесся испуганный визг. Ирбис заинтересованно глянул в ту сторону, принялся и, уловив хорошо знакомый запах графа, помчался огромными стремительными прыжками прямо к гуляющим.

Визг раздался снова, теперь по-настоящему испуганный и обреченный, и женская фигура в нарядной светлой накидке едва не рухнула на сыроватый песок. Граф успел вовремя подхватить ее. Хар налетел на друга, боднул его игриво в колено, сцапал в зубы небольшую нарядную шляпку из шелка, кружев, цветочков и бантиков, определенно самый последний выдох моды, и помчался назад, таща свой трофей Эсте.

— Давай сюда. — Решительно отобрав у зверя немного обслюнявленное и пожеванное произведение столичной шляпницы, Эста, держа его двумя пальчиками, понесла хозяйке.

Змей, усадивший свою спутницу на ближайшую скамью, пытался привести ее в сознание, и Эста могла бы ему помочь, но торопилась увести из сада зверя. Женский визг не мог остаться незамеченным, и сюда уже определенно бегут и стражники, и слуги, и кто-то из гостей.

— Спокойной ночи, — кротко пожелала девушка, поравнявшись со скамьей, и аккуратно положила на край шляпку. Умелая камеристка вполне сумеет вернуть ей прежний вид.

Глава 9

Граф прожег уходящую монашку возмущенным взглядом, больше всего на свете он терпеть не мог приводить в сознание обморочных девиц и надеялся на помощь Эсты в этом нелегком деле. Однако она ушла, не оглядываясь, и ему поневоле пришлось приступить к ненавистному занятию лично.

Дагорд еще раз шлепнул спутницу по щеке и поморщился, услышав голоса и топот бегущих слуг. Ну, наконец-то они опомнились, чего, интересно, ждали? Прибытия городской стражи или пока он сам дойдет до дома и все им объяснит?

Змей давно говорил герцогу, что его кузина, полностью захватившая власть в доме, слишком распустила слуг и стражу. И проявляют они особое усердие лишь тогда, когда видят неподалеку ее крутобокую фигуру. Однако граф вовсе не советовал Герту

вмешиваться в дела графини, она из тех женщин, которые совершенно не выносят подобных действий.

— Что произошло?! — Через толпу охающих служанок пробился личный лекарь графа.

— Девушка испугалась питомца его светлости, — два последних слова Змей подчеркнул специально, к родству с герцогом графиня относилась с трепетом, и после этого заявления никто не осмелится требовать посадить бедного Хара на цепь.

Госпожу Ивессу после небольшого совещания решено было унести в ее комнаты, и графу ничего не оставалось, как вернуться в бальный зал, хотя намерение немного пофлиртовать уже растаяло.

Дагорд еще немного посидел за столом, понаблюдал, как друг весьма успешно волочит за одной из гостей, миленькой вдовой одного из племянников графа, развеивающей горе в гостеприимном доме Росалины, и велел слуге проводить себя в отведенную спальню. Если они хотят приехать в Адер до ночи, встать нужно очень рано.

Тихие царапающие звуки разбудили Эсту мгновенно. Девушка протянула руку, добавила роста едва тлеющему в лампе фитильку и оглянулась на стоявшие в углу огромные напольные часы. За неимением других комнат ее устроили на ночлег в кабинете хозяина. Впрочем, ночью граф все равно им не пользовался.

Святая тишина, всего третий час, а вставать они намеревались только в пять. Значит, стряслось нечто особое.

— Войдите, не заперто, — тихо позволила глупышка, осторожно садясь в подушках, вторую половину большого кожаного дивана решительно занял Хар.

— Доброй ночи, — войдя, мрачно бросил Змей и, пройдя к креслу, уселся так основательно, словно хотел заявить своим поступком о намерении просидеть тут остаток ночи.

Хар только лениво приоткрыл один глаз и снова заснул.

— Что случилось? — деловито поинтересовалась Эста и подтянула к себе халат.

— Ничего. — Граф был невероятно зол на себя самого и не желал принимать ничьего участия.

Только полчаса назад, когда его несостоявшаяся вечерняя любовница заявила к нему в спальню, Змей сообразил, в какую передрагу влип. И ведь слышал, когда гостил тут с Гертом в прошлый раз, рассуждения графини о необходимости подобрать Змею подходящую невесту, но просто посмеялся про себя. Не приняв во внимание завидный энтузиазм Росалины, с каким она берется за подобные дела.

— Змей, — хладнокровно вылезая из-под одеяла, заявила глупышка, и граф, к своему изумлению, обнаружил, что простенькая ночная рубашка синего цвета в мелкий горошек, воротник которой он мог рассмотреть ранее, на самом деле — верхняя часть мужской пижамы. Довольно длинной, чуть не до колен. И из-под нее выглядывают штанишки из такого же сатина.

— Рассказывайте, — ловко и быстро замотавшись в длинный теплый халат, приказала девушка и принялась натягивать деревенские вязаные носки.

Однако граф уже раз сто пожалел о своем порыве. Ну вот зачем он пришел сюда и разбудил эту странную глупышку?! Разве она сможет без слез, без претензий и, главное, без скандала распутать эту ситуацию? Стоило ему лишь увидеть ее смешную пижаму и мохнатые носки, как представление о монашке как о коварной обольстительнице герцога рухнуло, словно гнилое дерево под снегом. Да и все ее догадки насчет преследователей стали казаться не такими уж остроумными и своевременными.

Демон, а ведь он почти поверил, будто девчонка что-то умеет. Змей с досадой обозвал в душе себя болваном и решительно поднялся с кресла. Черт с ним, с дружеским отношением Росалины, придется устраивать скандал. Дагорд не может позволить себе такой роскоши — жениться не просто на бесприданнице, а еще и на девице, не стесняющейся вламываться среди ночи в спальню почти незнакомого мужчины.

— Никуда вы не пойдете! — Как монашка оказалась возле двери так быстро, Дагорд даже не понял, но сейчас его это ничуть не интересовало.

— Вы меня остановите? — с иронией поднял он бровь, но от усталости фраза получилась не столь едкой, сколь печальной.

— Нет. Просто объясню утром все герцогу и расскажу, как вы из трусости отказались от моей помощи.

— Вот как! — Змей снова начал закипать. — И где же вы нашли трусость?

— А вы мне докажите, что я ошибаюсь и это не так называется. — Эста совершенно бесстрашно смотрела ему прямо в глаза. — Но тогда как? Стеснительность? Мне уже смешно. Кстати, я тоже хочу еще немного отдохнуть, и вы напрасно тратите наше время.

— Хорошо, — сдался помрачневший граф, — она сейчас пришла в мою спальню.

— Ивесса? — сразу сообразила Эста. — Ну конечно. И теперь вы не желаете, чтоб утром все увидели, как она выходит из вашей комнаты?

— Я ее не звал. Но она не желает уходить, — скрипнул зубами граф.

— Ложитесь спать тут, — мигом решила глупышка, — которая ваша спальня?

— Я могу проводить.

— Сама найду. Так которая?

— В другом крыле, третья справа от лестницы, — еще не веря в такое легкое решение, объяснил граф. — А что вы ей скажете?

— Ах, это просто, — пожала плечами девушка, — ирбис меня не слушал, и мы с вами еще с вечера поменялись, теперь там моя комната. Но вам лучше запереться... спокойной ночи. И не трогайте мой сундук, у меня там сюрпризы для любопытных.

— Уже трясусь, — серьезно кивнул Змей, запирая за ней дверь, и направился к дивану. — Подвинься, Хар, ну ты и развалился.

Комнату графа Эста нашла довольно быстро и так же легко расслышала за дверью напротив какую-то возню. Значит, все-таки прав был Змей, и это никакая не любовь, а просто интрига... и довольно потертая. Тогда можно и не жалеть девушку, она себе таким способом поймает кого-нибудь попроще. И хотя счастья после такой проделки от семейной жизни ей лучше не ждать, но хотя бы подольше проживет.

Девушки, обманом или силой женившие на себе мужчин, подобных Змею, подозрительно часто падают с лошадей и лестниц.

Войдя в спальню, Эста первым делом проверила засов и убедилась, что он на месте. Зато отсутствует цепочка, которой его положено запирасть, и это нововведение произведено недавно, судя по свежести дыр от некогда крепивших ее гвоздей.

— Милый... — робко позвал из-под полога женский голосок, — ты пришел?

— Угу, — сообщила Эста, сноровисто поднимая стул и просовывая его ножку сквозь дверную ручку.

В монастыре их с сестрами многому научили, и едва ли не первым делом показали, как можно надежно запереться в комнате каким-либо из десятка самых простых и доступных всем способов.

— Ты такой красивый, — мечтательно сообщила Ивесса и хихикнула.

«Интриганки», — сердито фыркнула глупышка, безошибочно сообразив по этому веселому хихиканью, что девице выдали для храбрости вина. И, похоже, не один бокал.

Следовательно, бесполезно читать этой дурочке проповедь, все равно в ее хорошенькой голове ничего не останется.

Эста прошла к кровати, посмотрела на потрясенно вытаращившую глаза именинницу и откинула одеяло.

— Отодвигайся к тому краю и лежи тихо.

Влезла на постель, отметила про себя, насколько тут мягче и удобнее, чем на диване в кабинете, прикрутила фитиль и, замотавшись в свою половину огромного одеяла, закрыла глаза.

— А где граф? — минут через пять раздался несчастный голосок соседки.

— В кабинете спит. Мы еще с вечера поменялись. Спи, а то позову.

Ивесса надолго задумалась. Так надолго, что Эста почти заснула.

— Кого, Дагорда? — наконец высказала робкую догадку девица.

— Нет, ирбиса. Того огромного зверя. Он сейчас как раз разыгрался, бегает по коридорам. Поэтому дверь лучше не открывать, — припугнула монашка Ивессу и с чистой совестью уснула.

В следующий раз в комнату постучали, когда Эста, не хуже графа владевшая искусством вставать в назначенное время, уже умылась, причесалась и привела лицо именно в такой вид, какой говорил всем вокруг о ее переутомлении и недосыпании. Маленький кошелек со всеми необходимыми для этого средствами всегда лежал в кармане ее халата.

Освободив дверь от стула, Эста поставила мебель на место и предусмотрительно отступила в сторонку.

— Неужели уже пора вставать? — страдальчески воззрившись на ворвавшихся в комнату дам, спросила она самым несчастным голоском и отчаянно зевнула.

— А вы кто такая? — озадаченно уставилась на нее графиня.

— Чтица, — кротко сообщила монашка и просительно добавила: — Только говорите потише, а то девушку разбудите.

— Какую девушку?! — Графиня ринулась к постели, узрела сладко спящую Ивессу и остолбенела.

— А где граф? — спросила сопровождавшая ее девица с простодушной круглощекой рожицей.

— Дагорд аш Феррез? — учтиво уточнила Эста.

— Он самый, — пристально уставилась на нее хозяйка, начиная догадываться, что события развернулись вовсе не по ее плану.

— Так со зверем же герцогским спит, — с простодушием селянки уставилась на нее монашка, — разыгрался он, ну как ребенок.

— Кто разыгрался?!

— Ну, так Хар же, зверь его светлости. Я и послала за графом, его Хар как миленький слушается. Вот он и велел мне идти сюда, чтобы зверя по дому не водить. Я пришла, а тут девушка... — Эста неодобрительно поджала губы и вздохнула. — Напугал он ее, злодей!

— Кто, граф? — ахнула круглощекая.

— Да при чем тут его сиятельство?! — возмущенно всплеснула руками глупышка. — Разве он может испугать женщину?! Это Хар девушку вечером в парке напугал, так она мне полночи рассказывала, будто зверь по коридору бегаёт. Уж как я ее ни успокаивала, даже дверь заперла, иначе она мне даже немного поспать не дала бы!

— Эсталис, — донесся из коридора строгий голос графа, — можете идти в кабинет, пора собираться. С Харом я сам погуляю.

И Змей, держа пристегнутого на поводок ирбиса, решительно пошагал дальше, сделав вид, что не заметил отпрянувшую к стенке графиню.

Когда Эста, одевшись и отправив в карету свои вещи, пришла в маленькую столовую, соединенную дверью с кухней, граф уже сидел за столом в дорожном камзоле. Плащ и шляпа лежали рядом, а сам Змей с ожесточенным видом кромсал ножом холодное мясо, поданное сонной кухаркой на завтрак в дополнение к таким же холодным закускам, явно оставшимся от вчерашнего праздника. Только чай в маленьком серебряном чайнике был горячий, и Эста спокойно налила себе чашку и взяла кусок торта.

— Хар уже в карете?

— Нет, будит Геверта, — хмуро сообщил Змей и покосился на невозмутимую монашку — как она может есть с утра эти сладости?

— Если вы желаете съесть это мясо, — правильно поняла глупышка его взгляд, — лучше попросите кухарку обжарить.

— У нее еще печь не растоплена, — буркнул граф, горячо сожалея, что ночевал не в трактире.

Там бы он сумел заставить прислугу подать себе горячий завтрак.

Геверт тоже любит на завтрак жареное мясо, вспомнила Эста, отложила пирожное и встала с места. Решительно взяла со стола блюдо с мясом и направилась в кухню.

— У меня печь еще холодная. — Крупная девица сидела у окна за маленьким столиком и пила чай. На тарелочке перед ней были разложены различные деликатесы, видимо, кухарка имела обыкновение с утра баловать себя за все господские прихоти.

Спорить с ней Эста не стала. И вовсе не от неумения убеждать прислугу в неправоте. Просто сейчас был именно тот случай, когда много проще и быстрее сделать все самой, чем объяснять.

— Сиди, отдыхай, я сама. — Монашка опытным взглядом нашла все необходимое, поставила на маленькую печурку небольшую сковороду, сунула под нее щедрую горсть мелких щепок и стружек, разожгла огонь и положила первый кусок мяса.

Через минуту нетолстые ломтики уже начали шкворчать и румяниться, а девушка все резала мясо и подбрасывала щепки.

— Ты мне всю щепу сожжешь, — неодобрительно поджав губы, заявила кухарка, но Эста глянула на девицу так насмешливо, что та больше не произнесла ни слова.

— Вот завтрак, — вернувшись через несколько минут, монашка обнаружила сидящего рядом с графом зевающего и хмурого Геверта и поставила на стол перед спутниками полную тарелку румяных горячих ломтиков, присыпанных зеленым лучком.

— Кухарка кухни случайно не заболела? — откровенно изумился его светлость, накладывая мясо себе в тарелку. — Никогда раньше она не топила печь в такую рань.

— Жива и невредима, — успокоила Эста и принялась спокойно упаковывать в принесенную корзинку те из закусок, какие точно не могли испортиться за ночь.

— Зачем вы это делаете? — через некоторое время не выдержал его светлость, глядя, как ловко чтица заворачивает в полотняные салфетки куски сыра, булочки, ветчину и прочие продукты.

— Собираю нам второй завтрак, — так же спокойно ответила она, — мы ведь поедем напрямик, через холмы, там трактиров нет. Зато к обеду попадем в Лошту, она славится отличной харчевней.

Герцог нахмурился сильнее, оглянулся на Змея в поисках поддержки, но тот жевал мясо так увлеченно, что его светлости стало понятно: сегодня спорить с чтицей друг явно не намерен. И хотя это не могло не радовать Герта, перспектива ехать через холмы по разбитой деревенскими телегами дороге его явно не прельщала.

— А может, все-таки?! — в надежде спросил он и натолкнулся на сочувственный взгляд голубых глаз глупышки.

— Я расскажу вам эту историю в карете, — слышав стук каблучков графини, Эста подхватила свою корзинку и направилась к двери на кухню.

Встретаться с Росалиной еще раз у нее не было никакого желания.

Глава 10

Карета за ночь выстыла, и Эста с удовольствием приняла одеяло, принесенное слугой. Видимо, таким образом графиня пыталась задобрить голос собственной совести. Или кто-то из сообразительных слуг сумел верно растолковать ей произошедшее ночью.

Девушка села на один край одеяла, укрылась другим и погладила уверенно устроившегося рядом ирбиса.

— Может, сегодня мне сесть рядом с ним? — предложил его светлость. — Мне сказали, он вас не слушался.

— Ему нужно время привыкнуть, — кротко ответила Эста. — Не забудьте приказать кучеру свернуть к западной заставе.

— Вы обещали объяснить, зачем мы едем той дорогой!

— Обязательно, — кивнула девушка, — но указание нужно дать заранее, чтобы не возвращаться.

— Я уже приказал Итеру и Хирину, — сухо зато отозвался Змей, не решивший еще, как теперь относиться к монашке.

С одной стороны, глупышка очень выручила его ночью, а слушая из-за двери ее объяснения, граф кусал губы, едва сдерживая хохот. Да и завтрак она очень умело сделала, Змей ни на миг не поверил, будто это постаралась кухарка. Но монашка умудрилась тут же испортить все впечатление своими действиями. Можно было хоть ради приличия посоветоваться?

— Хорошо, — успокоилась Эста, — а едем мы по западной дороге потому, что там нет заставы.

— Но на заставе меня всегда пропускают беспрекословно. — В голосе герцога ясно слышалась гордая самоуверенность.

— Раньше пропускали, — тихо вздохнула монашка, — пока вы не перешли дорогу герцогу Эфройскому.

— Вы считаете... — Змей на секунду с досадой смолк, как, оказывается, привязчивы подобные выражения! — То есть вы знаете о герцоге нечто, дающее право подозревать его в подобных действиях?

— А вы еще не сделали выводов из произошедшего? — вопросом ответила девушка. Пусть делает выводы сам, не будет позже обижаться на глупышку, сообразившую все раньше него, такого умного и опытного.

— Ну, лично я не считаю, будто герцог способен дать своим людям приказ напасть на нас открыто, — почти уверенно ответил Геверт.

— Но у него есть множество других способов, — вздохнула Эста. — Например, всем известное пленение маркизы Аргельды. У девушки просто сломалась на пустынной дороге карета, и ее любезно предложили подвезти. А в результате — она замужем за кузеном принца. И те пятеро наших преследователей никуда не исчезли за ночь. На их месте я послала бы господину точный отчет о том, где ночует ваша светлость. А на его месте я бы выслала приказ на все заставы задержать вас под благовидным предлогом и отправила отряд подкрепления.

— А разве это не предположения? — едко хмыкнул граф, хотя уже поверил в правоту монашки.

— Всем известно, герцог Эфройский суров и самолюбив и привык получать все желаемое без помех. А опыт доказывает, что такие люди обычно не утруждают себя плетением сложных интриг, — нехотя произнесла Эста, твердо уверенная: в душе спутники с ней уже согласились и спорят скорее от нежелания путешествовать по разбитой дороге да плохого настроения от недосыпа.

— Но его люди не решатся задержать меня, по крайней мере надолго. — Геверт еще произносил эти слова, а в памяти уже живо всплыли так задевшие его мелочи в поведении принца и его советника на последнем ужине во дворце. — Вот демон! Теперь я понял... вы правы, Эсталис, они еще в тот вечер все знали. И принц поддерживает советника... а эта маленькая продажная интриганка тоже что-то пронюхала, раз весь вечер вешалась на Твигерна.

— Ты мне не рассказал, — нахмурился Змей.

— А тебя не было. И потом ты приехал позже... — Герцог спохватился, сообразив, что начинает упрекать друга, и произнес с раскаянием: — Извини, это я виноват. Но в таком случае нам нужно держать оружие наготове, просто так я их и близко к карете не подпущу.

— Мы успеем доехать до Лошты, — невесело сообщила Эсталис, убедившись, что до нанимателей, наконец, дошла вся серьезность ситуации, — а там купить портал в Адер. А стражники с каретой пусть едут спокойно... как будто мы в карете.

— Но Хара я не оставлю, — сразу заявил его светлость, мгновенно смирившись с такой непредвиденной тратой денег. — Год назад герцог Эфройский упорно хотел купить его у меня.

Значит, ситуация у Олтерна еще хуже, чем мне представлялось, могла бы сказать Эсталис, но совершенно не собиралась этого делать.

В карете постепенно становилось теплее, и Эста позволила себе уснуть в уютном коконе из мягких меховых одеял. И не стала просыпаться, даже когда карета ожидаемо закачалась на ухабах деревенской дороги. Впрочем, как вскоре выяснилось, слух о ее неудобстве был сильно преувеличен дамами, привыкшими ездить по выложенным гладкими плитами королевским трактам. После последней попытки переворота в каменоломнях королевства появилось много мускулистых рук.

Эста не пожелала просыпаться, даже когда граф остановил отряд на короткий привал в какой-то деревушке. После этого привала они с герцогом, стараясь не шуметь, пили

прямо из кувшинчика парное молоко и ели душистые сырники, шепотом обмениваясь впечатлениями о деревенских красавицах.

«Проснулась» глупышка только часам к одиннадцати, почувствовав, как остановилась карета и забеспокоился устроивший голову у нее на коленях ирбис. Посмотрела в окно на унылый осенний пейзаж и решительно вылезла на бревенчатый помост перед стоящим у развилки трактиром, в котором обычно останавливались умыться и перекусить везущие продукты в Турис скупщики.

Шагавших к крыльцу спутников девушка догнала почти у двери и тихонько, чтобы не услышали чужие уши, попросила не заказывать много еды.

— А мы уже съели почти все, что было в корзине, — сообщил ей Геверт, — поделились со стражниками. Хотели разбудить вас, но Змей не позволил.

Трудно было не услышать, как друзья шептались, усмехнулась про себя Эста, но сказала совершенно другое.

— Нужно поговорить, — еле слышно ответила она и прошла в трактир.

Довольно неопрятное и запущенное помещение не вызвало у девушки никакой реакции, она словно не заметила ни мусора, ни почерневших засаленных столешниц. Спокойно подошла к трактирщику, тихо задала ему вопрос и, бросив серебряную монету, направилась к дверце за его спиной.

Дагорд нахмурился, по контракту за все, необходимое глупышке, платил герцог, и пошел вслед за нею. А войдя в комнатку, сразу понял, почему девушка шла именно сюда. И почему заплатила сама.

Здесь был один из пунктов, какие маги почтовой гильдии по соглашению с властями открывали в каждом крупном селе или деревне, в больших трактирах и богатых поместьях. А вот похожие на узкие пенальчики цилиндрические контейнеры для писем и капсулы перехода можно было приобрести только в башнях гильдии или, значительно реже, у заранее купивших их хозяев гостиниц.

Неподалеку от башни или большой пирамидки можно было отправить пенальчик с письмом, небольшую посылку или открыть с помощью капсулы переход в заранее определенное место. Крайне редко такие пирамидки покупали для личного пользования и возили с собой самые богатые и знатные люди, хотя по мере удаления от почтовых башен они работали нестабильно.

Посреди чисто выскобленного стола стояла большая магическая пирамидка, и Эста немедленно присела рядом на скамью, достала пенальчик, бумагу и ручку и принялась стремительно писать записку. Змею еще не приходилось видеть девушек, которые бы писали столь быстро, и он удивленно приподнял бровь, все-таки она очень необычна, эта глупышка.

Дописав письмо, девушка вложила его в пенал и куда-то отправила, а потом открыто взглянула на заинтересованного герцога.

— Ваша светлость желает знать, кому я отправила письмо? Туда, откуда уехала пять дней назад.

— И часто вы туда пишете? — Герт прошел к столу и сел на соседний стул.

— Как только соскучусь, — кротко улыбнулась Эста, — или возникнут проблемы, с которыми я не могу справиться сама.

Вот оно что, мгновенно сообразил граф, вспомнив непреклонную уверенность настоятельницы, оказывается, монашки все время остаются под ее опекой. Ну, это существенно меняет дело, хотя пока он не представляет, чем может помочь им с Гертом

даже весь монастырь. Если только пришлют в замок с десятков таких вот глупышек. Он представил эту картинку и невольно поежился, нет уж, упаси, Святая Тишина.

— И вы уже соскучились? — удивился герцог, в его понимании монастырь был местом, о котором не только скучать, но и вспоминать не хочется.

— Там остались мои подруги, — больше ничего Эста сказать не успела, над вершиной пирамидки сверкнул светлый лучик, и в руки девушки упал такой же пенальчик.

Она торопливо нажала на крышечку и прочла выпавшую из пенальчика записку.

Контейнер не исчез, и граф особо отметил это обстоятельство. Стало быть, настоятельница ведет оживленную переписку, раз использует постоянные пеналы. Они, конечно, намного дороже одноразовых, но если отправляешь каждый день письма или указания одному и тому же адресату, вполне окупают свою стоимость.

— Моя старшая подруга, — прочтя письмо, подняла глаза на его светлость глупышка, — готова немедленно прислать капсулу перехода на Адерскую почтовую башню, на троих человек и багаж. Но если оставим ваши сундуки, вполне можно взять Хара.

— Сколько мы будем ей должны? — Змей совершенно не верил в бескорыстие наставницы, как и в ее доброту.

— Выслать такую же капсулу, как будет возможность, — так же кротко объяснила глупышка, — ну и небольшую услугу... при случае.

Эста очень надеялась на согласие Геверта, по сведениям матушки, герцог Эфройский был в ярости, узнав о неудаче своих сыщиков. И теперь еще сильнее желал получить не доставшуюся ему глупышку, догадавшись раньше Герта и Змея, кто именно провел его людей.

— Я не против, — немного подумав, объявил Геверт, — раз мы уже решили идти порталом, то не все ли равно, отсюда или из Лошты? Но так мы уже через полчаса будем дома, в Адервилле мне любой с удовольствием даст лошадей и коляску. И наверняка не встретимся с людьми Олтерна.

— Ну, во всяком случае, там вы на своей земле, — туманно сообщила монашка, и Змей не мог не согласиться с верностью этого замечания.

И в который раз пожалел, что когда-то давно, когда почтовая гильдия строила свои порталные башни, предок Геверта наотрез отказался поставить одну из них в замке. Впрочем, утешает одно: в те времена он был не единственным, кто мыслил подобным образом.

— Тогда и я согласен, — буркнул граф, не придумав ни одного веского довода против, и проследил, как глупышка стремительно черкнула на листке всего одно коротенькое слово.

На этот раз они ждали дольше, и пенал, возникший возле пирамидки, оказался другим, более широким и коротким. Эста продемонстрировала спутникам извлеченную из пенала капсулу и попросила дать стражникам указание принести ее сундук, напомнив, что уходить надежнее прямо отсюда.

Змей приоткрыл дверцу и, не выходя из почтовой комнатки, дабы не платить ушлому трактирщику второй раз, знаком позвал сидевшего за столом Итера. Быстро выдал стражнику указания, дал денег на расходы и через минуту принимал от кучера сундук глупышки, а от Итера поводок ирбиса. Погулявший Хар был очень не против пообедать и первым делом, как кот, потершись о ноги спутников, заглянул на стол. Разочарование на его умной морде было так красноречиво, что усмехнулся даже граф, не позволявший зверю никаких вольностей, кроме утренних нападений на не желавшего рано вставать

Герта. И потому метко бросавшего с закрытыми глазами в слуг всем, до чего дотягивалась его рука.

— Хар, ко мне. — Геверт взялся одной рукой за ошейник питомца, другой обхватил талию монашки, невольно отметив ее тонкость и гибкость.

С ухмылкой вспоминая недавнюю клятву не подходить к девушке и близко, Змей так же уверенно взял сундук и свободной рукой схватился за пояс глупышки с другой стороны. Эста повесила на локоть свой саквояж и немедленно сломала капсулу переноса, благодаря про себя собственное решение любым способом наладить доверительные отношения с графом. Как выясняется, это единственный способ быстро добиться от него необходимых для пользы дела действий.

Почтовая башня Адервилля, небольшого городка, основанного одним из предков Геверта и названного так в честь стоявшего на утесе над рекой замка Адер, была пристроена к зданию мэрии, но имела свой собственный выход на центральную площадь. Здесь стоял на постаменте гранитный предок его светлости, с мечом в одной руке и шлемом в другой, и находился лучший из трех трактиров, а также несколько магазинчиков, контора ростовщика и внушительная башня городской стражи.

Вот к ней и повел спутников Змей, сразу взявший командование на себя, едва обнаружил, что стоит на площадке знакомой башни и видит вокруг привычный пейзаж. За графом с Харом на поводке, разглядывая город и важно кивая в ответ на поклоны горожан, шествовал Геверт, а за ним, опустив на лицо вуаль, скромно шла монашка, с жарким интересом рассматривая из-под кружева городок и витрины. Последним топал несший сундук монашки служитель почтовой башни, каких маги нанимали для исполнения мелких поручений и уборки площадки и лестниц.

Разумеется, для его светлости у коменданта городской стражи немедленно нашлись и лошади, и коляска, и кучер, и двое сопровождавших. И уже через несколько минут сидящие в открытой коляске Геверт с Эстой и Харом выезжали из ворот, ведущих в тренировочный двор башни. Впереди ехал на крупном жеребце граф, провожаемый заинтересованными взглядами встречных горожанок и служанок, а следом скакали двое стражников.

— Пришли порталом, — тихо пояснил сидящий у окна в почти пустом зале трактира мужчина в неприметной дорожной одежде своему сотрапезнику.

— Вижу, — хмуро отозвался тот, — посылай сообщение. Всего пятеро мужчин.

— Мы пойдем?

— Встретим их на тропе, — оглянувшись в сторону скучающей в конце зала подавальщицы, одними губами шепнул его напарник, — уходим по одному.

И поднялся из-за стола, неторопливо направляясь к двери. Второй продолжал так же спокойно доедать свой омлет.

Проехав по центральной улице почти до конца, коляска свернула на широкую аллею, ведущую за город к скале, на которой стоял замок Адер. Сам дом нельзя было отсюда, снизу, рассмотреть из-за высоких стен, зато в лучах пробившегося сквозь тучи солнца уже можно было различить блеск бронзовых флюгеров на крышах башен.

Обсаженная янтарными соснами аллея не доходила до замковых ворот, от подножия скалы начинался извилистый путь вверх между обломков скал, расщелин и по вырубленным в камне галереям и даже тоннелям.

Некоторое время Эста сидела рядом с герцогом тихо, как мышка, и Геверт посматривал на спутницу слегка разочарованно. Все девушки, попадавшие на эту

дорожку, обычно ахали от восторга и пищали от страха, когда с высокого поворота открывался вид на отвесный обрыв, находившийся в нескольких локтях от колес. А эта странная монашка, наоборот, равнодушно молчит и даже как будто глубоко задумалась о чем-то своем.

— Геверт, — внезапно почти вплотную прижавшись к герцогу, очень тихо шепнула та, о ком он думал, — вы можете исполнить мою просьбу?

— Да, — постарался он сказать как можно убедительнее, очень сильно надеясь, что она не попросит ничего предосудительного.

— Ничего не спрашивайте. Просто за следующим поворотом остановите коляску на пару секунд возле большого камня. И сразу ежайте дальше... мне нужно немного прогуляться. И не волнуйтесь, я не исчезну, слово сестры Тишины.

— Хорошо... — пробормотал ошеломленный герцог, пытаясь понять, когда она успела рассмотреть тот камень.

А девушка отодвинулась и принялась быстро рассовывать по карманам какие-то кошельки из своего саквояжа. Потом заперла его на ключик, сунула в самый угол между спинкой и сиденьем, прикрыла покрывалом и положила сверху подушечку.

Затем дернула Герта за рукав, показав глазами на приближающийся камень.

— Останови на секунду, — приказал кучеру его светлость, и тот мгновенно натянул поводья.

— А дальше?

Геверт обернулся к сидевшей рядом девушке и обмер. Место рядом с ним было пусто. Только Хар заинтересованно смотрел в сторону разросшегося возле камня куста.

— Ничего, поехали дальше, — припомнив, что остановить коляску его просили на секунду, ответил герцог, и кучер, с легкой досадой пожав плечами, пустил лошадей, ничуть не удивляясь странным прихотям его светлости.

Их господин еще скромный, только после смерти жены начал служанками да беловшейками интересоваться, и то, говорят, это его дружок старается развлекать. Ну а к тому все девки сами липнут, как к медом намазанному. И раз вернулись господа в замок, значит, уже к вечеру потянутся и кареты с местной знатью поздравлять с приездом.

Глава 11

Некоторое время Геверт сидел неподвижно, пытаясь понять, как расценивать исчезновение монашки. Она ни разу не дала повода заподозрить, будто желает его покинуть, да и в столице ей было гораздо проще это сделать. Как он теперь понимает, если бы в тот день Эста захотела уйти, могла просто попроситься провожать Ритолу. Но она не пошла, наоборот, все время предупреждала их об опасности и преследователях. И к тому же ясно сказала, что не намерена исчезать, и поклялась именем своего монастыря.

Геверт покосился на уголок, где под подушкой, как залог честности глупышки, остался ее невзрачный саквояж, и решил подождать и посмотреть, чем все это закончится.

А пока откинулся на спинку и хлопнул рукой по освободившемуся сиденью, приглашая Хара занять так любимое ирбисом место рядом с собой.

Несколько минут движение крошечного отряда продолжалось с прежней скоростью, и его светлости больше ничего не оставалось, как снова и снова вспоминать слова монашки и успокаивать себя рассуждением, что от того камня до ворот не так и далеко. И даже если девушка решила прогуляться, то придет минут через десять после их прибытия. По этой дороге повозки быстро не ездят, так специально было задумано при постройке замка. При

его осаде небольшой гарнизон легко перестреляет половину полка нападающих на отлично просматривающихся изгибах дороги.

Герту невольно припомнилось лето переворота, и герцог помрачнел, это было самое запретное и тяжелое воспоминание в его жизни. И возвращаться к нему его светлость сейчас хотел бы меньше всего.

Отряд проехал сквозь небольшой, всего шагов тридцать в длину, тоннель, последний перед крутым поворотом к воротам, и неожиданно остановился.

Тихо и очень эмоционально выругался граф, выдергивая из ножен клинок, охнул и забормотал молитву кучер, торопливо проскользнули мимо коляски вперед спешившиеся стражники, пригибаясь, чтоб их не было видно из-за лошадей.

И в этот момент позади коляски, там, где остался вход в тоннель, раздался нарочито грубый голос:

— Все сидите спокойно, вы нам не нужны. Только невесту свою заберу, и можете ехать! Сбежала, шалава, опозорила на всю деревню. Ну, иди сюда, моя кошечка!

С той стороны, где раньше сидела Эста, над дверцей коляски возникло бородатое мужское лицо в темной широкополой шляпе и полумаске.

Геверт приготовился ударить негодяя зажатым в руке кинжалом, как только эта рожа распахнет дверцу, но у него за спиной ледяной голос очень вежливо предупредил, что оружие лучше бросить на пол. Герцог скосил глаза и убедился в правоте незнакомца, красноречиво подтвержденной взведенным арбалетом. А его безжалостные глаза, зло прищурившиеся в прорезях маски, подтверждали: шутить или отказываться от своих слов незнакомец абсолютно не намерен.

Дверка с той стороны, где сидел заинтересованно рассматривавший бородатого наглеца Хар, резко распахнулась, и бандит, недоверчиво осмотрев внутренность коляски и не найдя никакой «невесты», просунул внутрь и пошарил рукой под ногами герцога.

Геверт даже зубы сцепил, стараясь удержаться и не вонзить в него кинжал, который он так и не выпустил из руки, несмотря на угрозу. И только мысль о направленных в его шею сразу трех болтах многозарядного арбалета да проснувшееся в душе ехидное веселье при виде растерянности в глазах налетчика помогли ему не сделать глупости.

И в этот момент Хар, которому бандит тоже не понравился, раскрыл пасть и позмеинному зашипел. Бородача, словно метлой, вымело из коляски, а его подельник злобно скривился и выплюнул:

— Где она?

— Кто? — Герт начал находить в ситуации некоторое удовольствие.

— Девка, которая вышла с вами из портала.

— Пошла искать комнату, — насмешливо сообщил Змей, не поверивший сначала своим глазам, но очень быстро сообразивший, что нападавшие уйдут с пустыми руками. — Девушке не нравятся замки.

— Молись, если соврал, — зло процедил арбалетчик и вдруг исчез. Исчез и бородач, а через полминуты у входа в тоннель раздался грохот и послышался звук сыплющихся камней.

— Мерзавцы, — с чувством выдал Дагорд, — придется разбираться, иначе стража не сможет вернуться.

После этого он осторожно проехал вперед, осмотрел все и сделал знак кучеру.

— Можно ехать, все ушли. Тут стояли еще три арбалетчика, наверняка у всех порталы.

Он посмотрел на коляску, хотел что-то спросить, но только крепче сжал губы. С тех пор как они выкупили контракт с этой монашкой, забот и проблем стало ничуть не меньше, скорее наоборот.

Тяжелая решетка ворот начала подниматься с легким скрипом, еще когда скакавший впереди всех Змей был за полсотни шагов от нее. Следивший за дорогой охранник замка в это время торопливо дергал шнуры звонков и засовывал под скамейку корзину с остатками еды, благодаря всех святых, сподобивших глянуть в оконце как раз в тот момент, когда из-за поворота появился легко узнаваемый всадник.

Отряд влетел во двор замка так, словно за ним гнались, и высыпавшие на крыльцо слуги и спешно проверившие, все ли у них в порядке, дежурившие на стенах стражники сразу поняли, что спокойная жизнь закончилась.

И уже через пять минут толпа слуг и стражников бежала рысцой к тоннелю с кирками и тачками, а Змей торопливо писал письма главе стражи Адервилля с указаниями и приметами бандитов, пытавшихся ограбить герцога. Сам же Герт, поднявшись на башню, с беспокойством разглядывал дорогу перед воротами и ее нижние повороты, пытаясь понять, с какой стороны ждать непредсказуемую глупышку.

И следует ли уже ждать вообще. Надежду вселял только сундук и никуда не девшийся саквояж, которые слугам велели отнести в голубую спальню, кратко сообщив, что это вещи чтицы и разбирать их пока не нужно.

Эста ловко выскользнула из коляски, нырнула в куст и дождалась, пока отряд уедет. А затем зашла за камень и начала раздеваться. Сняла дорожную юбку, под которой оказались мужские штаны самого простого сукна. Юбку девушка ловко вывернула так, что пришитый снизу огромный карман из грубого полотна стал потертым дорожным мешком, затем аккуратно и быстро сложила туда шляпку, накладные локоны и верхнюю часть плаща, отстегнув сначала от него теплую короткую подкладку. Через несколько мгновений вывернутая подкладка превратилась в простую мужскую дорожную куртку, а подкладка шляпки стала неказистой шапкой, очень хорошо скрывшей подобранные на затылок недлинные волосы.

Выпустив на глаза неровные пряди челки, Эста взяла в руки свой кошель с пудрами и румянами, умело запудрила губы, ресницы и брови, нанесла кисточкой россыпь ярких веснушек на нос и щеки, подрисовала рыжеватым короткие смешные волосики там, где должны быть брови, и, забросив мешок за плечи, снова выбралась на дорогу.

Конечно, в другом месте и при других обстоятельствах девушка никогда не стала бы с первого же дня показывать свое искусство перевоплощения, просто обошла бы дом и постучала в заднюю калитку. И не стали бы ей помехой ни обломки скал, ни кусты.

Но Адер преднамеренно строился так, чтобы обойти его было невозможно даже самому ловкому скалолазу. И если вернуться в город, нанять лодку и попытаться подобраться по реке, то наткнешься лишь на высокую отвесную скалу, в глубине которой пробита шахта для качающего воду ручного насоса.

Хотя есть и еще способ... но его нужно забыть. До того момента, пока не наступит крайний случай. Вот только лучше бы он никогда не наступал.

К каменному завалу, наполовину преградившему вход в последний тоннель, девушка кралась по обочине дороги, прячась за уступами, камнями и кустами, издали расслышав голоса и стук кирок и камней.

Некоторое время глупышка наблюдала за тем, с каким старанием работают слуги, одетые в коричневые с зеленой отделкой ливреи, и выжидала, точно зная: обозленные

неудачей люди герцога Эфройского в страхе перед наказанием за проваленное дело могут и вернуться. Успокаивало ее одно замечательное свойство магических порталов: если уйти с помощью капсулы можно было почти отовсюду, исключая самые дикие и отдаленные местности, то выход всегда был только на площадку порталных башен. Маги почтовой гильдии не желали обременять себя созданием более сложных способов.

И лишь когда камней в проходе осталось чуть выше чем по колено, конопатый парнишка, следивший из-за кустов за расчисткой тоннеля, быстро снял с плеч дорожный мешок и через минуту превратился в скромно одетую девушку.

— Ой! — выйдя на середину дороги и направившись к работающим, преувеличенно испуганным голосом пролепетала Эста. — А что тут случилось? Надеюсь, его светлость не пострадал?

— А ты кто такая?! — направил на монашку меч бдительный стражник.

— Я чтица, — скромно сообщила монашка, — подайте, пожалуйста руку, а то я тут не перелезу.

Слуги начали ухмыляться: как они и предполагали, стоило господину с графом вернуться в замок, как девушки сами побежали, даже не дали герцогу умыться с дороги.

Но все их улыбки смело с лиц, едва в глубине тоннеля раздался строгий окрик Змея:

— Помогите чтице его светлости перейти через завал.

Ну, надо же, как это теперь называется, ехидно переглянулись двое слуг, подхватывая первую, но как они были твердо уверены, далеко не последнюю сегодняшнюю гостью.

Мрачными взглядами девушку встретили лишь городские стражники и кучер, отлично запомнившие и разговор в тоннеле, и очень серьезное оружие арбалетчиков, под которым они стояли полчаса назад.

— Разрешите проводить вас в замок? — встретил Дагорд подошедшую монашку таким учтивым вопросом, что она невольно насторожилась, однако даже ни на миг не показала своего сомнения.

— Благодарю, граф, вы так любезны! — кладя ручку на мужественно согнутый локоть, пролепетала Эста. — А разве вам не нужно присмотреть тут за работами? Это ведь обвал был?

— Тут и без меня обойдутся, — хладнокровно объявил Змей, галантно убавляя шаг, чтобы девушке было легче идти рядом с ним.

Пока граф писал письма и стоял возле тоннеля, следя за работой слуг и мрачно размышляя, где теперь искать глупышку, ему пришла в голову соблазнительная и далеко не новая мысль. Определенно, не стоит считать единственно верными решения, принятые под действием оскорбленного самолюбия или обиды, и свято соблюдать данные себе клятвы.

Ну, вот с чего он решил, будто для дела будет лучше, если он станет держаться от монашки на расстоянии? Ведь чем больше он ее узнаёт, тем сильнее начинает подозревать, что сюрпризов, имеющихся в запасе у этой глупышки, бесчисленное количество.

Вот недавно Змей уже почти распрощался и с нею, и с выложенным за нее золотом, и даже с собственной жизнью. Трудно оставаться оптимистом, когда на тебя направлено сразу три многозарядных арбалета. И чтобы в будущем точно знать, в какой момент лучше приготовить оружие заранее, есть только один выход — быть все время как можно ближе к этой хитрой мышке.

И способов для этого у него более чем достаточно, хотя незачем ломать голову и изобретать нечто особо сложное. Самый надежный, давно проверенный неназойливый флирт даст возможность весь день находиться рядом с глупышкой. Пусть решит, что он влюбился, но после того случая в Турисе не решается перейти к активным действиям. Обычно с такими невзрачными девицами, как Эсталис, этот метод срабатывает уже через три дня. Если не раньше.

Эста шла рядом с графом, с любопытством озираясь, хотя ее ни капли не интересовали ни двойные ворота, ни подъемный мост через специально прорытый ров, ни стены высотой в тридцать локтей. Ее волновало случившееся с нанимателями в тот момент, когда она пряталась в скалах. И едва они отошли от тоннеля на достаточное расстояние, монашка открыто задала графу этот вопрос.

Несколько шагов Змей шел молча, раздумывая, стоит ли рассказывать все, но вспомнил, что не успел договориться о молчании с Гертом, и решил рассказать. К тому же хотелось посмотреть, как она к этому отнесется, и тоже задать вопрос или даже не один.

— Едва я выехал из тоннеля, как обнаружил ожидавших нас троих арбалетчиков, — сухо вато сообщил граф, вспоминать свои ощущения было не очень-то приятно, — затем появились еще двое, с другой стороны. Мы оказались зажаты в тоннеле. Они пообещали никого не трогать, если им отдадут сбежавшую невесту. Все были в полумасках и шляпах, а жених еще и с бородой. Ну вот и все. Не обнаружив никакой невесты, бандиты дружно исчезли.

— Порталом? — заинтересованно спросила глупышка.

— Да.

— Ну, тогда они не бандиты, — пробормотала она словно про себя. — И вряд ли удастся их найти.

Змей и сам это прекрасно знал. Но уж слишком унижительно, когда тебя пытаются ограбить почти на пороге дома, и ты не можешь ничего сделать. И тем более это возмущает, когда твой господин является хозяином окрестных земель и защитником их жителей. И поэтому он, Змей, поставит на уши всю стражу, заставит расспросить всех торговцев, трактирщиков, подавальщиц и служащих почты и не позже чем через три дня будет знать, как выглядели эти люди без масок. И даже будет иметь их портреты, старый художник, живущий из милости в замке графини Клорер, отлично умеет рисовать их по приметам и объяснениям.

— А когда вы заподозрили, что нас могут встретить? — не желая рассказывать монашке ничего из этих своих планов, перевел Дагорд разговор на вещи, интересовавшие его самого.

— Я не заподозрила, — тихо пояснила девушка, думая о своем, — я сделала так на всякий случай. Ведь вы же проверяете траву на полянке, прежде чем устроить привал, нет ли там осинового гнезда или муравьиной кучи.

Теперь Эста была абсолютно уверена: у советника принца случилось нечто очень серьезное, и ей не терпелось оказаться в своей комнате, чтобы написать о своих догадках настоятельнице. Слишком уж нехорошая картина вырисовывалась. Разумеется, матушка и сама наверняка уже сделала подобные выводы, однако глупышка точно знала, лишним для настоятельницы не будет ни одно сообщение и ни одно слово.

— Эсталис! — Герцог с облегчением рассматривал свою потерю, радуясь не столько ее появлению, сколько твердости честного слова монашки.

После подавления мятежа лицемерие и лживость расцвели буйным цветом, хотя ни принц, ни его советник не приветствовали в подданных этих качеств. Однако изменить

общество оказалось не так-то просто, люди предпочитали солгать, чем лишиться всего, как те, кто выступил четырнадцать лет назад против правления короля Георгиуса.

— Мне жаль, — искренне сказала девушка, заглянув в его встревоженные голубые глаза, — из-за меня вам пришлось пережить несколько неприятных минут.

— Не все они были неприятными, — весело усмехнулся его светлость, подхватывая монашку под руку и направляясь к крыльцу, — меня очень повеселил Хар, оскалившийся на одного из бандитов.

— Вот как? — Эста отпустила руку графа, и Змею поневоле пришлось идти за ними. — Значит, он заслужил сегодня дополнительный кусочек мяса. А где он содержится в этом замке?

— Ходит, где хочет, — пожал плечами Герт, — вот сейчас убежал на кухню. Тирлон, спальня для госпожи Эсталис готова?

— Конечно, ваша светлость, — немолодой мужчина в коричневой ливрее склонился перед девушкой в вежливом поклоне, — показать?

— Да, и поторопите Бенлиша с обедом. Эсталис, мы ждем вас в столовой.

— Хорошо, ваша светлость, — скромно потупилась глупышка и направилась за чересчур сообразительными слугами, совершенно неправильно понявшими приветливое обращение господина с незнакомкой.

Очень плохо. Придется ей потрудиться, чтобы изменить это мнение, с любовницами господ опытные слуги не откровенничают и в очень редких случаях им сочувствуют. А глупышке не обойтись без их доверия и подсказок.

Глава 12

Комната, предназначенная Эсте, оказалась в правом крыле внушительного дома, и девушка тайком этому порадовалась, но по ее лицу никто бы ничего не заподозрил. Со стороны чинно шедшая за дворецким чтица выглядела очень скромной и даже скованной.

— Спасибо, — кротко поблагодарила Эста дворецкого, распахнувшего перед ней дверь в спальню, и с преувеличенным вниманием выслушала его пояснения о здешних правилах и порядках.

Что купальни для прислуги и гостей в конце коридора, горячая вода там только с обеда и до вечера, пока топят очаг, обогревающий эту часть дома. Что в левую часть дома никто не ходит, и потому в коридорах поставлены перегородки и двери, а вся прислуга живет на четвертом этаже. Но госпоже чтице достаточно дернуть шнур, и придет горничная.

— Я все сразу не запомню, — обезоруживающе стеснительно улыбнулась в ответ на пожелание устроиться поудобнее чтица, — скажите мне только, где столовая? А позже, если вы не против, я к вам подойду и все запишу, я первый раз устроилась на такую работу.

Объяснив девушке, что столовая, где обедает его светлость, расположена на этом же этаже, вторая дверь от лестницы, а покои герцога почти напротив, и рядом комнаты графа, дворецкий понаблюдал за смятением, озарившим ее личико румянцем, и постановил, что несколько поторопился с выводами. Но на всякий случай решил понаблюдать еще, учтиво распрощался с новенькой обитательницей замка и отправился по своим делам.

Заперев за ним дверь, Эста заторопилась. Проверила свой саквояж, достала из сундука самое старомодное и скромное платье и села писать письма.

— Геверт, — осторожно поинтересовался Змей, переодевшись и зайдя за другом, — я не успел спросить, ты уже рассказал Эсталис про проблемы, из-за которых мы ее наняли?

— Да, — оправляя перед зеркалом серый домашний бархатный колет, отозвался тот и обернулся, — но она же имеет право знать? Хотя я рассказал в общих чертах, решил, что подробнее ты объяснишь сам.

— Ты все правильно сделал, — одобрил Дагорд, размышляя вовсе не о глупышке, а о друге.

Герцог моложе его на пять лет, и когда Змей сюда приехал, Герту было всего шестнадцать. В то время он безоговорочно позволил более опытному и сильному, а главное, более решительному графу взять власть в доме и лидерство в дружбе. И хотя герцог сильно изменился с тех пор и не раз доказывал твердость характера и клинка, но до сих пор иногда, в самых каверзных ситуациях, оставлял последнее слово за Дагордом. И хотя графу несомненно приятно такое признание своих способностей и оценка собственной преданности, порой он был бы не против, чтоб возмужавший Геверт взял эти проблемы на свои плечи.

Эста гуляла по широкому коридору возле столовой, рассматривая украшавшие стены панно, и Змей невольно досадливо поморщился. Да все слуги просто обхохочутся, когда он станет проявлять интерес к девушке в таком платье. Ну, неужели настоятельница, гребущая такие деньги в уплату за контракты, не могла купить глупышке нечто более свеженькое? Наверняка просто выдала то, что лет двадцать пролежало в сундуках.

— Эсталис, разрешите предложить вам руку, — учтиво предложил Герт и изумленно застыл, обнаружив, что девушка несчастно моргает и кривится так, словно вот-вот заплачет. — Что с вами?

— Ваша светлость, — монашка присела в полупоклоне и расстроено залепетала: — мне неловко вам напоминать, но я ваша чтица и вам не положено предлагать мне руку.

— Да?! — скривился Геверт. — Но тут нет никого, кто бы осмелился мне это запретить. Поэтому давайте вашу руку и идем обедать, пока я не начал рычать.

Несчастно потупив глаза и закусив губку, чтица положила руку на сгиб локтя его светлости и позволила ему отвести себя к столу.

Слуги, суетившиеся в столовой и искоса наблюдавшие эту сцену, тайком переглянулись, похоже, бедная провинциалка здорово влипла с этой непыльной работой. А заметив, как нахмурился Змей, начали ее почти жалеть, хотя и не могли понять, что мог найти неприступный сердцеед в этой простушке.

— Нам нужно поговорить, — перейдя к десерту и отпустив слуг, сообщил глупышке Змей, — о вашей работе.

— Его светлость мне все рассказал, — испытующе взглянув на Геверта, очень тихо ответила девушка.

— Но он рассказал в общих словах и не объяснил некоторых деталей, — стоял на своем Дагорд.

— Не здесь, — так же тихо предупредила она, и граф усмехнулся про себя, именно это устраивало его больше всего.

— Я вас приглашаю после обеда на прогулку по саду и стенам. Оттуда прекрасные виды.

— Спасибо, — вежливо приняла приглашение Эста, ей и самой хотелось задать Змею несколько вопросов.

— А потом вы мне почитаете, — заявил герцог, сообразив, что прогулка планируется без него. — Я пока выберу в библиотеке книгу.

На прогулку монашка нарядилась в тот самый серый плащ, что был так памятен графу. Он сам его скручивал вместе с ее шляпкой и обувью в тугий сверток и обертывал куском полотна, приторочивая к седлу. И потом каждый раз, останавливаясь перекусить, сам переносил на нового коня. И отлично рассмотрел, что, несмотря на потертость серого сукна, плащ довольно теплый благодаря вязаной шерстяной подкладке.

Однако Змей уже слишком хорошо изучил привычки и интересы девиц и женщин всех сословий и знал, какое значение имеют для прелестниц наряды. Особенно когда они собираются отправиться на прогулку с интересующим их мужчиной. И давно убедился: чем сильнее он нравится девушкам, тем больше они готовы жертвовать собственным удобством и даже здоровьем ради возможности выглядеть привлекательно. По их мнению.

И теперь граф тщательно прятал досаду, судя по одежде идущей рядом с ним девушки, она вовсе не намеревалась произвести на него выгодное впечатление. Правда, Змей тут же предположил, что у монашки просто нет ничего лучшего. И потому не удержался и осторожно осведомился, не желает ли Эсталис съездить в ближайшие дни в Адервилль, присмотреть себе несколько новых нарядов.

— Нет, — твердо ответила глупышка, дойдя до пустынного уголка замкового сада и решительно усевшись на скамью, — не желаю. Извините за прямоту, Змей, но вы меня наняли не для ходьбы по лавкам.

— Но от того, что вы затратите несколько часов на прогулку по городу, вряд ли пострадает ваша работа?!

— Давайте поговорим сначала о деле. Его светлость сообщил мне, что два года назад вас начали преследовать неудачи и даже несчастные случаи. Причем, как я поняла, нападали чаще на вас, а семейные ценности пропадали у его светлости. И еще были странные исчезновения слуг, особенно взволновала герцога пропажа в начале этого лета молодой горничной. В городе к герцогу начали относиться с опаской, а принц намекнул, что Геверту неплохо бы вплотную заняться наведением порядка в своих владениях. Я все верно перечислила?

— Верно, — помрачнел Змей.

Когда все их беды вот так резко собирали в один печальный букет, он начинал злиться и на неведомого врага, и на самого себя за то, что не сумел ни предотвратить этих случаев, ни найти виновных. Или хотя бы разгадать, кто и почему объявил эту тайную войну и, самое важное, где и под какой личиной скрывается неведомый враг.

После того как они с Гертом убедились, что самостоятельно им ничего выяснить не удастся, между друзьями возник спор, кого нанять, чтобы наверняка найти ответы на все эти вопросы. Сам Змей настаивал на хорошем сыщике с ловкими подручными, полагая, что сможет им кое в чем помочь, а Геверт, наслушавшись во дворцах знати таинственных слухов и невероятных баек, упорно желал нанять сестру Тишины.

И лишь когда Змей в приемной монастыря подписал все документы, необходимые для заключения контракта, секретарь настоятельницы важно сообщила, что ремесло девушки, которая будет исполнять эту работу, называется «глупышка». Ожидая появления Эсталис, Змей едко хихикал про себя над полным несоответствием прозвища монашки и теми заданиями, ради которых ее и нанимали.

— Тогда сначала расскажите мне кратко про брак его светлости и о ближайших родственниках его покойной супруги.

— Но какое... — изумился Змей, посмотрел в ее серьезные глаза и сдался: ну, раз ее это волнует прежде всего, он готов рассказать.

Все равно замковые слуги в курсе, и она сможет выпытать все у них. Хотя и не сразу, но удержать в тайне все равно не получится. Да и по большому счету нет никакой особой тайны, есть просто стремление не напоминать Герту о потере.

— Как вы знаете, во время переворота Герт потерял всех родных, — сухо начал рассказ граф, и в его тоне прозвучало предупреждение не задавать лишних вопросов, — и поскольку ему было в тот год всего тринадцать, принц назначил герцогу опекуна. Боевого офицера из числа преданных королю людей. У полковника Терстона не было титула и большого состояния, но он был из хорошего старинного рода и имел особые заслуги перед королем. Сюда он приехал с дочерью, в тот момент ей было двадцать четыре года. А через три года она стала герцогиней Адерской. Через некоторое время после свадьбы ее отец отбыл ко двору, а меня пригласили сюда адъютантом его светлости.

— Это мне известно, — мягко сообщила Эста, — расскажите об их семейной жизни. Только не подробности и не какие-либо личные тайны. Меня интересует, были ли у ее светлости конкурентки или недоброжелатели, в каких отношениях Ниресса была со слугами и городской знатью и чем интересовалась.

— Вот как... — задумчиво прищурился граф. — Я отвечу, хотя хочу сказать, в этой стороне искать разгадку наших проблем бесполезно. Ее светлость была тихой и скромной, и, несмотря на разницу в возрасте, жили они с Гертом в согласии. Слуги ее обожали, в дела герцога, как и в дела своего отца, она никогда не вмешивалась, так была воспитана. Никаких особых конкуренток до свадьбы у нее тоже не было, слишком Геверт был в ту пору молод, да и, как я потом выяснил, Терстон специально держал всех знатных невест города на расстоянии от него. Думаю, теперь можно с уверенностью сказать, что именно в надежде на этот брак он и принял опекунство четырнадцать лет назад. И этот союз можно было назвать удачным, но, к сожалению, наступил момент, когда они решили завести наследника. Герт мог бы и подождать, но время герцогини уходило.

Змей нахмурился и смолк, слишком тяжело досталась герцогу и ему самому потеря Нирессы.

Эста тоже молчала, давая ему время взять себя в руки. Матушка пристально следила за светскими событиями и сплетнями, и трагедия в семье герцога Адерского не прошла мимо ее внимания. Поэтому девушка тоже знала, что попытка завести ребенка закончилась для тридцатичетырехлетней герцогини гибелью. И хуже всего, что ни местные лекари, ни приглашенный придворный целитель не смогли спасти хотя бы ребенка. Слишком рано ему было рождаться на свет.

— Кто из слуг и стражи уволился или пришел в замок в последние пять-шесть лет? — задала свой главный вопрос Эста, выждав несколько минут.

— Я напишу список. — Голос графа снова стал суше. — У меня в книгах все отмечено.

— Спасибо, — поблагодарила девушка и уставилась на Змея так испытующе, словно хотела доверить ему страшную тайну, — а теперь насчет моей работы.

— Слушаю, — теперь уже граф смотрел заинтересованно, наконец-то он узнает, как она собирается искать преступников.

— Как вы понимаете, всего я вам объяснить не могу, да вам это и не нужно. Но, поскольку вам полностью доверяет мой наниматель и сами вы пострадали от неизвестного злоумышленника, я считаю, что вправе надеяться на вашу помощь. И заключаться она будет в необременительном для вас занятии — ради соблюдения секретности вы должны некоторое время изображать, что волочитесь за мною. Особую страсть проявлять не нужно, просто легкий интерес. Но соглашусь я на вашу помощь лишь при обязательном исполнении моих условий. Во-первых, вы не задаете вопросов, а просто принимаете мои действия как должное. Во-вторых, стараетесь, чтоб этот флирт заметили все. В-третьих, не

принимаете этой игры всерьез и не переходите известных границ. И в-четвертых, стараетесь далеко не отходить от меня и герцога. Его светлость держаться поблизости я попрошу сама. Согласны?

С минуту Змей молчал, пытаясь побороть душивший его нервный смех. Вот, оказывается, какую роль она ему приготовила, пока он сам строил планы, как держаться неподалеку от хитроумной глупышки. Ну что же, раз их планы совпадают, значит, нужно соглашаться, давненько он не заключал с девушками сделок. Да если честно, подобных и вовсе никогда. Но в таком случае и у графа есть свои условия.

— Я согласен, но вам придется обновить гардероб. Ну не могу же я ухаживать за девушкой в таком плаще?!

— Увы, — твердо отрезала Эста, — это невозможно. Я не надену ни одного платья или плаща, кроме тех, что привезла в своем сундуке. Вам придется с этим смириться, Змей. Ну, сделайте вид, что вас привлекла именно моя необычность. И идемте во дворец, я не хочу надолго оставлять его светлость без присмотра. Хотя... сидите, он сам идет сюда.

— Как вы это узнали? — внимательно оглядев полуоблетевшие желтые кусты, подозрительно спросил граф, не столько огорченный ее отказом менять одежду, сколько заинтересованный непреклонностью глупышки. А еще выставленными ею условиями. Любопытно, и сколько времени она продержится, если он начнет ухаживать так, как требуется по ее условиям?

— А вот как, — легкомысленно засмеялась девушка, обнимая прыгнувшего к ней из-за куста Хара. — Ах ты, красавец! Решил на нас поохотиться? Ну, посмотри, что я для тебя припасла.

И, спокойно вынув из вместительного кармана своего старомодного плаща льняную салфетку, глупышка достала из нее пару котлеток, точно таких, Змей был абсолютно уверен, какие лежали на ее тарелке за обедом.

Глава 13

— Мы с Харом тоже решили погулять, — весело объявил Геверт, подходя ближе, — а вы уже что-то придумали? Как будем действовать?

— Вы — никак, — твердо объявила монашка, — стараетесь жить как обычно, никого ни о чем не спрашивать и за мной не следить. Единственное, что от вас требуется, — это вести себя как можно непринужденнее, но быть осторожным. Особо следует избегать прогулок за пределы замковых стен, ночных свиданий на стенах и башнях и изучения любых странностей в одиночку. Граф Дагорд любезно согласился с сегодняшнего дня изображать, что ухаживает за мной. А вы в свободное время будете слушать исторические романы.

— Но как же тогда... — разочарованно выдохнул Геверт.

— Пока не знаю, — честно ответила Эста и поднялась, — а предположений я никогда не делаю. Вы не против, если я пойду отдыхать?

Ей нужно было срочно проверить, пришло ли письмо от настоятельницы. Послания появлялись в тех случаях, когда этого требовала секретность, в особой шкатулке, открыть которую невозможно было, не зная ее тайны.

Геверт проводил глупышку задумчивым взглядом и сел рядом с другом.

— Ну и что она тебе сказала?

— Ничего, попросила написать список слуг.

Его светлость тихо фыркнул. Слуг и стражников они проверяли в первую очередь и так тщательно, как будто собирались доверить одному из них герцогскую казну. Но ничего

подозрительного ни на одного не нашли. Все были порядочные люди, все с рекомендациями или знакомы с отрочества.

— А что за странное соглашение насчет флирта?

— Думаю, тут она права... — с некоторой долей сомнения протянул Змей, и сам не желавший надолго оставлять друга без надзора. — Она будет читать, я изображать волокиту... надеюсь, это надолго не затянется.

— А мы назначим срок... — подумав, решительно объявил герцог, — например, месяц. Ну, или два, на крайний случай. А потом будем делать выводы. На самом деле я тоже не могу понять, что может найти не обладающая магическим даром монашка там, где ничего не отыскивали мы с тобой. А где Хар? Хар!

Ирбис вылез из кустов, таща в зубах что-то непонятное и невероятно грязное, и друзья в один голос приказали ему бросить эту гадость. Хар расстался со своей добычей очень неохотно, Змею даже пришлось подняться со скамьи и шагнуть ближе. Только тогда ирбис бросил находку, и граф уже совсем собрался запнуть ее в кусты, но заметил что-то подозрительно знакомое. Сломил с куста веточку, присел и принялся ковырять ею находку Хара, мрачней на глазах.

— Что это? — не выдержал Геверт и тоже шагнул ближе.

— Чепчик горничной, — глухо выдохнул Змей, — что с ним сделаем?

— Нужно показать Эсталис, — сразу предложил его светлость.

— Зачем? Что она в нем найдет?

— Ну, может, она ничего и не найдет, а вот мы посмотрим, что наша чтица будет делать. — В глазах герцога горел азарт исследователя.

— Тогда я схожу, — с сомнением посмотрев на господина, принял решение Дагорд, — а ты не подпускай никого близко. Мне весной хватило шепотков прислуги по углам.

Эста оказалась права, письмо и в самом деле выпало из шкатулки, едва она особым образом нажала несколько украшавших ее виньеток. Делать это нужно было предельно внимательно и осторожно, при малейшей ошибке срабатывало слабенькое огненное заклинание, и от письма оставались только пустой пенал и пепел.

В письме оказались очень важные новости и предложения матушки, хотя Эста не могла бы сказать, что не предполагала заранее подобного варианта. Весь последний год обучения состоял из постоянных тренировок, и зачастую они проходили в кабинете наставницы. Нужно было одновременно с ней найти выход из ситуаций, в которые попадали работающие по контрактам сестры, и правильным считался ответ, когда вариант ученицы больше чем на две трети совпадал с ответом матушки.

Стук в дверь, как обычно, не явился для глупышки неожиданностью, и она немедленно ответила:

— Войдите! — а про себя добавила: Змей. Но едва увидела его лицо, поднялась с места. — Что произошло?

— Хар нашел... — Граф запнулся. — Герт считает, вам нужно это посмотреть.

И смолк, обнаружив, что она уже сунула ноги в ботинки, накинула плащ и рассовывает по карманам совершенно непонятные, но явно не женские штучки.

— Змей! — Возмущенный шепот монашки остановил графа, когда он, торопясь к Геверту, стремительно выскочил из комнаты.

— Что такое?

— Вы кого и куда ведете?! — дернув его обратно в комнату и захлопнув дверь, сердито уставилась на Дагорда глупышка. — Вы пришли позвать меня полюбоваться на облака или на труп?

— Какой труп? — остоленел Дагорд. — Откуда?

— Не знаю, это у вас был вид, словно вы нашли труп, — спокойно пожала плечами монашка, — но это не имеет значения. Если вы хотите, чтобы так не подумал весь замок, сделайте слащавое лицо и хитрые глаза.

— Пресвятая Тишина! — Граф начал всерьез подозревать, что они разговаривают на разных языках. — А это зачем?

— Именно такие лица бывают у мужчин, когда они волочатся за девушками.

— У меня не такое, — возмутился Змей и постарался улыбнуться девушке самой очаровательной улыбкой.

Эста молча вынула из кармана зеркальце и сунула ему под нос.

— А как еще это назвать? Но все равно теперь правильно. И не бегите, бегом девушек на прогулки не ведут.

Змей стиснул зубы, подхватил монашку под руку и решительно вывел в коридор. В этот миг он начал подозревать, что недавно совершил очень большую глупость, согласившись с нею флиртовать.

— Но я даже не знаю... — робко пролепетала Эсталис, едва они сделали несколько шагов, — вы, конечно, правы, господин граф, природой лучше наслаждаться, пока такая ясная погода. В дождь не захочется ходить по стенам... но я все равно боюсь высоты. А там лестницы с перилами?

Мимо прошел лакей со стопкой чистого белья в руках.

— Я никогда не ходила по лестницам без перил. Но если вы будете держать меня за руку...

— Буду, разумеется! — сообразив, что она лепечет все это неспроста, ласково улыбнулся Змей и сразу спрятал улыбку, вспомнив свое отражение.

Демон! Вот как она умудрилась так точно назвать? Действительно, глаза были какие-то хитрые... сам он такому типу никогда бы не поверил.

— А мы однажды гуляли на холме, — кротко улыбаясь, доверчиво рассказывала Эста, пока они шли через проходной зал к заднему крыльцу, выходящему в сад, — и видели такие облака... как кораблики, представляете?

— Угу, — хмуро буркнул граф и опешил, услышав еле слышный сердитый шепот:

— Возьмите себя в руки! Это не я за вами ухаживать должна, а вы за мной! — И тут же голосок монашки снова стал легкомысленным и кокетливым: — Мы с Розы поспорили, кто больше кораблей насчитает... а вы были на море? Что, на самом настоящем? А я не была. Говорят, там страшно, столько воды... кажется, сейчас все утонет...

— Наконец-то! — встретил их облегченным возгласом герцог, возле ног которого покорно сидел Хар. — Уже приходил дворецкий, сказать, что пришло шесть писем. Горожане поздравляют с возвращением.

— Где оно? — Доставая простые перчатки и ловко натягивая их на руки, тихо и деловито спросила Эсталис, пропуская мимо ушей сообщение о письмах.

Можно было не сомневаться, что они далеко не последние, а к вечеру еще и гости появятся.

— Вон, под кустом, — переглянувшись с графом, сообщил Герт.

Монашка шагнула туда, присела возле грязной тряпицы, в которую превратился некогда кокетливый шелковый чепчик темно-зеленого цвета, украшенный атласными ленточками, достала откуда-то длинный пинцет и лупу, внимательно осмотрела находку со всех сторон и упаковала в кусок полотна.

— Откуда Хар это принес?

— С той стороны, — указал граф.

— Хар, — позвала девушка, и заскучавший ирбис радостно подскочил к ней, — идем погуляем.

И полезла в кусты вслед за питомцем герцога. Друзья переглянулись и полезли следом.

Некоторое время глупышка словно бесцельно бродила по усыпанном опавшей листвой полянкам, все дальше уходя в самый глухой угол сада, образованный крутым утесом и примыкающей к нему высокой стеной.

И, наконец, остановилась почти у стены, там, где кусты росли гуще всего, так, что пробраться под ними мог только Хар, сразу же нырнувший в эту щель.

Впрочем, граф тут же понял, что ошибся, когда считал, что протиснуться туда способен только ирбис. Глупышка, ни минуты не сомневаясь, тоже встала на коленки и залезла в эту нору. Герцог помрачнел и стиснул зубы, но Эста выбралась очень быстро, покачала головой, отрицая их мрачные предположения, огляделась и вдруг спросила:

— Какая была в тот день погода?

— Ночью была гроза.

— Откуда пришла?

Мужчины на несколько минут задумались, потом оба уверенно показали в сторону реки, — оттуда.

— Пойдемте на стену. — Монашка уверенно направилась к ближайшей лестнице и неторопливо зашагала по ней наверх, что-то рассматривая под ногами.

Наверху гулял ветерок, впрочем, он гулял тут всегда. Девушка прошла по огороженной высокими зубцами стене до того места, где внизу Хар выкопал проклятый чепчик, постояла, оглядываясь по сторонам, и вдруг зашагала к башне.

Впрочем, Змей и сам уже понял, что идти нужно туда, именно башня стояла на прямой линии между рекой и запущенным уголком сада, где так любил гулять Хар.

На башню она также поднялась впереди всех, впрочем, со стороны можно было подумать, что глупенькая чтица торопится рассмотреть восхитившие ее виды.

— На этой башне не стоят стражники? — оглянувшись на Змея, спросила глупышка, и он отрицательно покачал головой.

Башен двенадцать, и постоянная охрана сидит только на привратной. Остальные башни стражники каждый час обходят дозором.

Эста внимательно изучила пол верхней площадки башни, затем, достав из карманов так заинтересовавшие Дагорда штучки, умело скрутила их вместе, получив странную коленчатую подзорную трубу. Сначала девушка просунула свой прибор в одно оконце-бойницу, пробитое в толстой стене башни и сужающееся к наружной стороне, потом во второе. И вдруг отставила свое приспособление, подобрала юбку и легко вскочила на выложенный каменной плиткой подоконник, смело протискиваясь к узкой внешней стороне окна.

— Эсталис! — шагнул к ней забеспокоившийся Геверт. — Пожалуйста, осторожнее!

Но Змей уже стоял рядом с окном и крепко держал девушку за плащ.

— Не так, — обернулась она и сунула ему в руки концы пояса, — держите, он крепкий.

И, высунувшись из окна почти наполовину, начала крутить головой, словно что-то ища. А потом вытянула наружу и руки, заставив его светлость сердито скрипнуть зубами.

— Держите крепче... сейчас...

Змею не было видно, что она там делает, намотав на кулак концы вязаного пояса, он коленями и второй рукой уперся в стену и про себя яростно ругал эту натуральную глупышку за ее дурацкую выходку. Нужно было объяснить ему, в чем дело, он бы сам туда влез!

— Все, тяните, — объявила Эста, и он потянул, моля всех святых, чтобы не порвался простенький на вид поясок. А едва понял, что уже может достать монашку свободной рукой, крепко обхватил ее и резко вытащил из окна, прижав к себе и свирепо глядя в неожиданно счастливое лицо глупышки.

— Ваша светлость, посмотрите, что я нашла!

Монашка помахала сильно выцветшим кошелем, и в нем что-то глухо звякнуло.

— Что там? — дрогнувшим голосом спросил Геверт, бледнея.

— Можно посмотреть. — Эста спокойно освободилась из рук графа, словно он был камеристкой, шагнула к самому светлому окну и разрешила маленьким ножичком туго стянутый шнурок.

А затем расстелила на подоконнике платочек и вывалила на него несколько усыпанных камнями драгоценностей.

— Демон, — начиная понимать, мрачно присвистнул Змей.

— Что? Не может быть! — Геверт опустился на краешек подоконника, осторожно беря в руки то браслет с изумрудами, то кольцо с рубином размером с орех, то алмазные серьги. — Значит, они все время были тут?

— Ну да, — кивнула ему глупышка и начала разбирать свое устройство, — она прятала их в щели между камнем и балками. Не могу даже представить, как только нашла такое местечко, но подозреваю, что у нее был опыт в этом деле.

— Но почему она сбежала, не забрав наворованное? — недоверчиво смотрел его светлость.

— Не могла она сбежать, — с неожиданной печалью вздохнула Эсталис, — мертвые не бегают. Зря она полезла прятать последнюю добычу в грозу, ветер и мокрые стены не лучшие помощники. А поскольку чепчик всё же унесло через стену, очевидно, именно его она и попыталась удержать. Хотя с уверенностью утверждать не могу. Я больше вам здесь не нужна? Тогда я пойду. И еще... Змей, вы же понимаете, что после этой находки оценка происходящего сильно меняется?! Тот, кто угрожает его светлости и вам, не мог быть связан с этой воровкой, и поэтому списки, которые я просила, нужны мне как можно скорее.

— Подождите, Эсталис! — остановил девушку герцог. — Так вы что... считаете, что она... там?!

И он показал пальцем в сторону окна, куда недавно так храбро лазила глупышка.

— Не считаю, а видела, — печально кивнула монашка, — и больше видеть не желаю. Потому и ухожу, и Хара заберу... и если вам интересен мой совет, вызовите начальника городской стражи, и пусть его люди этим займутся. И лучше не принимайте сегодня гостей. Иначе вечер будет посвящен не вам, а этой воровке.

— И еще... — уже с лестницы оглянулась Эсталис, — не забывайте, Змей, про пункт двенадцатый.

— А что там в двенадцатом пункте? — Герцог, прятая в кошель платочек с завернутыми в него ценностями, невольно хлопнул себя по карману, где в дороге хранил контракт, и нахмурился. — А сколько дней прошло?

— Не волнуйся, я выучил все тринадцать пунктов наизусть, — успокоил его не менее хмурый граф, — двенадцатый пункт гласит, что ни при каких обстоятельствах нельзя никому сообщать об участии сестер Тишины в каком-либо происшествии.

— Значит, мы должны всем сказать, что сами нашли драгоценности? И эту... Лиззи, — покосился в сторону окна герцог, — только не пойму, почему ее не унесло водой.

— Я посмотрю, — двинулся к окну Дагорд, но герцог схватил его за рукав.

— Не смей! Ты же помнишь, что сказала Эсталис, теперь нужно быть еще осторожнее!

— Я не буду вставать на окно, просто выгляну. — Змей снял плащ, бросил его на подоконник и сначала встал на колени, а потом и вовсе лег, свесив наружу голову.

И уже через минуту повернул лицо вверх, рассмотрев край крыши, где сделала свой тайник погибшая воровка.

— Там большой осколок скалы, — мрачно сообщил он Герту, возвращаясь и отряхивая плащ. — И девушка попала в расщелину между ним и подножием стены. Ты же знаешь, что к этой башне вода не подходит. Придется отсюда спускать людей на веревках, а потом опускать тело в лодку. Мне почему-то не хочется втаскивать его в замок.

— Мне тоже, — глухо пробормотал его светлость, вспоминая, какой миленькой и проказливой была кареглазая Лиззи. Ну чего ей не хватало, он ведь не скупился ни на наряды, ни на украшения?!

Глава 14

На ужин Эсту пришел приглашать дворецкий. Вежливо постучав в дверь, вошел, удивленно поглядел на ирбиса, растянувшегося у ног сидящей в кресле девушки, и сообщил, что ужин подан в малую столовую, поскольку сегодня его светлость казался больным и велел никого не принимать.

— Что вы говорите?! — очень натурально встревожилась глупышка. — Я предупреждала, что в такую ветреную погоду лучше не гулять по стенам. Так, может, мне не ходить в столовую, а попросить принести ужин сюда?

— Его светлость желает послушать чтицу. — В голосе слуги скользнуло огорчение. — У него сегодня плохое настроение.

— Ах, ну тогда конечно. — Девушка собрала в дорожный мешочек для рукоделия недовязанные кружева и встала с места. — А вы не знаете, что так расстроило его светлость? После обеда, на прогулке, он казался мне вполне всем довольным.

— Нашли Лиззи, — понизив голос, сообщил дворецкий, — это наша горничная, пропавшая весной. Очень ловкая была особа, ну, вы понимаете, почему я вам это говорю. Чтобы вы не затронули случайно эту тему и книжку выбрали осторожно.

— Спасибо, — искренне поблагодарила Эста дворецкого за такую заботу о господине, — я постараюсь. Идем, Хар, будем сегодня говорить о тебе.

— Вот вам списки, — перейдя после ужина из столовой в соседнюю гостиную, Змей протянул Эсте несколько листов дорогой бумаги.

— Спасибо, — свернутые листки мгновенно исчезли в одном из незаметных карманов, которых, как начинал понимать граф, было на юбке монашки в несколько раз больше, чем

положено самой запасливой девушке, — я посмотрю их вечером. А описаний или каких-то особых примет вы туда не добавили?

— Нет, но я могу это сделать.

— Буду ждать, — серьезно кивнула монашка, посматривая на герцога, принесшего в гостиную бутылку красного лиарнского, с которым он подружился еще за ужином.

— Можно задать вам вопрос? — дождавшись, пока слуги уберут посуду и уйдут из столовой, плотно прикрыв двери в коридор, приступил к расспросам Змей. — Как вы догадались, откуда ирбис принес чепчик?

— Можно, — спокойно сообщила глупышка, — только заберите сначала у его светлости бутылку и унесите подальше. У меня для вас важное сообщение, а разговаривать с пьяными герцогами я не люблю.

— Эсталис! — оскорбленно поджал губы Геверт. — Я не давал вам права...

— Ах, простите меня, ваша светлость, — несчастно захлопала глазами монашка, — так про что вам почитать? Вот вполне достойная книга...

Эста наугад взяла верхний из томов, принесенных слугами, и открыла на первой странице.

— Жизнеописание великого короля Ангерна Третьего, прославленного полководца и мудрого правителя, составленное братьями монастыря таинства Равновесия в лето семнадцатое после...

Минут пять Эста хорошо поставленным голосом профессиональной чтицы перечисляла совершенные дальним предком короля деяния, в основном походы в приграничные районы и нападения на сопредельные крепости.

Наконец герцог, нарочно наливший в бокал вина, не выдержал:

— Эсталис, прекратите.

— Как угодно вашей светлости. Я могу идти?

— Не можете. Вы хотели мне что-то рассказать.

— Разве?! Не может быть. Вы путаете. Позвольте мне уйти... или желаете, чтоб я еще почитала?

— Тебе лучше отдать мне бутылку и бокал, Герт, — сочувственно сообщил Дагорд, — иначе она снова примется читать.

Эста сидела с таким безучастным видом, словно говорили не о ней.

— Змей! — снова возмутился герцог, и Эста встала с места.

— Спокойной ночи, ваша светлость.

Геверт смотрел, как она невозмутимо идет к двери, так гордо неся свою головку, будто это она герцогиня, и все яснее понимал, что о ее непреклонность легко разобьются все способы, какими он привык управлять людьми.

— Хорошо, — с досадой стукнул он бокалом о столешницу, — заберите эту бутылку. Но неужели, по-вашему, я похож на пьяницу?

— Я не делаю предположений, — холодно отозвалась глупышка, наблюдая, как Змей уносит в столовую вино, — но также не желаю, чтобы вы неверно поняли мое сообщение.

— Хорошо, — устало сдался Геверт, и сам понимавший, что она права.

Не пристало человеку его положения всякую трудность или неудачу заливать вином, как какому-то сапожнику.

— Вы хотели сказать нам про чепчик, — поторопился Змей перевести разговор на более безопасную тему.

— Как вы помните, он был грязный и сырой, — невозмутимо села на место Эста, — а почва в парке намного суше, дожди, как мне сказали слуги, были в прошлой декаде. Стало

быть, он лежал в таком месте, где нет сквозняка и не попадает солнце. И таких мест несколько, но нигде не было видно ямки. А Хар этот чепчик выкопал.

— Это мне понятно, — хмуро сообщил Дагорд, — но почему Хар не принес его сразу, весной?

— Я не строю догадок, — вздохнула Эста, — но скорее всего сначала чепчик застрял где-то среди веток и листьев. А потом вы уехали в столицу. А вот сейчас, после того как листья облетели и прошли осенние дожди, он промок и провалился вниз, попав между переплетенных корней. Вот пока Хар его вытаскивал и немного поиграл, чепчик принял нынешний вид.

— Теперь понятно, — примирительно изрек герцог, — а какие новости?

— Одна из старших сестер Тишины договорилась с известным вам господином, — ровным голосом произнесла монашка, хотя на душе у нее было тоскливо. — Он согласен подождать месяц. И завтра прибудет сюда для заключения соглашения. Сестра надеется... вы пойдете ему навстречу. Есть люди, с которыми выгоднее дружить.

Последние слова Эста добавила от себя, надеясь на благоразумие ее нанимателей. Ей было известно о двух болезненных ударах по самолюбию, недавно полученных графом аш Феррез. Сначала ему отказали в прощении о возвращении родового имения, затем, почти одновременно, расторгла помолвку невеста, на которой Змей намеревался жениться ради весомого приданого. Настоятельница, не любившая строить пустых предположений и учившая тому же глупышек и тихонь, вскользь обронила, что причина так насолить строптивому графу была только у одного влиятельного лица, но нужно больше знать, дабы утверждать наверняка.

И, как подозревала глупышка, не зря Розы ехала в розовой шляпке к принцу Лоурдену. Матушка явно желала быть в курсе странных событий, заставивших нескольких самых важных персон королевства срочно выкупать контракты на тихонь и кокеток.

— Демон, — сразу помрачнел Геверт, — а если вы за месяц не успеете ничего найти?

— Вот потому я и сказала вам об этом заранее, — с легкой досадой ответила Эста, — вы должны настаивать не на определенном периоде, а на устраивающих вас результатах моей работы. Жаль, я не знала про его визит раньше. Мы могли бы найти вашу горничную дней на пять позже.

— Неужели вы смогли бы так поступить, — сухо вато поинтересовался Геверт, и монашка опустила глаза, скрывая блеснувший в них гнев.

Разумеется, смогла бы. И даже спокойно занималась своим делом, не терзаясь раскаянием. Этому телу уже все равно, на день раньше или позже его достанут из расщелины. А за Гертом и его другом кто-то ведет безжалостную охоту, и для этого негодяя будет подарком, если завтра герцог Эфройский сумеет уговорить хозяина Адера уступить глупышку по истечении оговоренного срока.

— Ты неправ, Герт. — Змею очень не хотелось этого говорить, он отлично понимал, что происходит сейчас в душе друга.

Она сумела занять какое-то место в сердце господина, эта хитрая Лиззи, Герт был в эту весну более оживлен и бесшабашен, чем все четыре года после потери жены. Потому ему так трудно понять и поверить, что все ее кокетливые ужимки и нежные взгляды были просто игрой. Он никогда бы не смог на ней жениться, принц почти прямо намекнул, что невесту герцогу Адерскому отыщет сам. И, разумеется, девица понимала, что первыми, кто вылетит из замка, едва здесь появится законная жена, будут все прошлые пассии герцога. Вот и решила обеспечить себе безбедное будущее, завладев старинными драгоценностями

с камнями невероятной величины, чудом не пропавшими во времена переворота. За содержимое того потертого кошелька можно выкупить неплохое поместье.

— Это неважно. — Эста давно научилась владеть собой, вернее, научили. — Главное, не соглашаться, даже если он будет предлагать поселить тут роту королевских гвардейцев. Вообще не соглашаться ни на какую помощь, особенно на дознавателей и охранников. Ни одного человека не берите, иначе я сразу уеду. Даже мой приезд не мог не насторожить ваших врагов, а если тут появятся люди с мрачными лицами и торчащим изо всех карманов оружием, мне уже делать будет нечего.

— Ну, вот за это можете не волноваться, — жестко прищурился граф, — его шпионы нам тут ни под какой маской не нужны. К тому же, раз у него такая нужда в глупышке, лучших он не даст. А его худшим я и двор мести не доверю.

— Хорошо, — кивнула Эста и снова поднялась, — тогда я все-таки иду отдыхать. Спокойной ночи. Змей, а вы что сидите?! Не забыли, что вам положено меня провожать?

Граф желчно ухмыльнулся: забудешь тут! Но с места все же встал и направился вслед за чтицей.

— Выражение лица у тебя не такое, — скептически заметил вслед ему Герт, — с каким ты обычно флиртуешь с девицами.

— Сам сделай сладкую улыбочку и хитрые глазки, — непримиримо отозвался Дагорд, — а с меня и так сойдет. Все равно весь замок знает, что мы сегодня сердитые.

Эста только тайком ухмыльнулась, надо же, как его задела ее простенькая шутка. Похоже, душа у Змея не такая бесчувственная, как жалуются придворные дамы.

Глава 15

Замок давно сладко спал, когда дверь одной из спален без малейшего скрипа приоткрылась и стройная фигурка в чем-то неопределенно-сером, похожем на рванье балаганного шута, изображающего нищего, выскользнула в пустынный коридор. Прикрыв дверь, бесшумно направилась вдоль стены в сторону центральной лестницы, очень ловко ныряя в каждую нишу и каждый клочок тени, островками разбросанные за полуколоннами и свисающими с окон тяжелыми шторами.

Стражник на центральной площадке лестницы, откуда она расходилась вверх двумя рукавами, героически боролся со сном, время от времени роняя голову на грудь и тут же вскидывая ее снова. Еще вчера он бы достал из-за постаментов статуи, изображавшей прадеда Геверта, давно припрятанный там старый меховой плащ, завернулся в него и устроился у ног старого герцога подремать часа два.

Но сегодня в замке появился сам Змей, и за сон на посту можно загреметь в простые подметальщики, вот и мучился бедолага, которому еще вчера завидовали соратники. Пост на лестнице считался самым удачным из всех дежурств. Серая фигурка постояла в тени ниши, наблюдая за постовым, затем переместилась к самой стене и осторожными, короткими перебежками двинулась ближе к нему. А когда он в очередной раз закрыл глаза, в быстром выпад пнула прижатое к его ноге древко алебарды, самого нелепого оружия, оставшегося в замке с незапамятных времен.

Стражник, опиравшийся на алебарду, как на посох, покачнулся и едва не упал, проснулся почти окончательно, испуганно поозирался и, решив, что просто потерял со сна равновесие, отправился делать очередной обход своей территории. Ему предстояло подняться по левой лестнице, обойти по внутренним галереям второго этажа вокруг приемного зала, начинавшегося сразу от входных дверей, и вернуться с другой стороны.

И пока он шел наверх, оставшейся незамеченной Эсте хватило минуты, чтобы слететь на первый этаж и нырнуть под лестницу. Здесь находилась лестница в полуподвал, где располагались кухня, кладовые и прочие хозяйственные помещения. Но девушке нужны были вовсе не они, она свернула в неширокий коридор, ведущий к той части полуподвала, что располагалась под нежилым крылом. Шла глупышка уверенно, хотя света тут не было, просто изредка открывала дверку маленького фонаря и проверяла дорогу на несколько локтей вперед.

Она почти дошла до цели своего путешествия, когда странный тихий шорох, раздавшийся как будто из стены, заставил глупышку метнуться в сторону и замереть за одним из старых ларей, вынесенных сюда за ненадобностью.

Спустя томительно долгую минуту звук повторился, но уже ближе, громче, и Эста сердито поджала губы, вот именно это она сразу и заподозрила, когда прочла листок со скупым описанием причин, вынуждающих герцога Адерского тратить деньги на контракт.

Следующую минуту девушка провела не в праздном ожидании. Поставив в сторонке фонарь, она на ощупь вынимала из карманов и складывала аккуратной кучкой мелкие вещицы, которые делали только умельцы в одном из восточных монастырей. Последним девушка сняла и развернула широкий пояс, оказавшийся длинным халатиком из тонкого полотна темно-синего цвета. Его специально сшили свободным, для ношения поверх другой одежды, если ее нужно было скрыть.

Она успела одеться и рассовать свой арсенал по карманам халата, когда новый, более громкий шорох раздался почти напротив того места, где пряталась девушка. И она никогда бы не заподозрила, чего можно ждать от этого шороха, если бы не знала заранее, куда нужно смотреть.

Во мраке коридора на противоположной стене бледным квадратиком мелькнуло тайное оконце и тут же закрылось снова. Эста презрительно усмехнулась, ей очень много сказала эта торопливость. И о том, что стоящий за стенкой в одном из смотровых тупичков человек совершенно уверен, что никого тут в такую пору быть не может, и проверял, не появился ли в коридоре свет, просто по привычке. И стало быть, идет он тайным проходом далеко не первый раз и, значит, знает о большинстве ловушек, расставленных на том пути, раз продвинулся от одного оконца до другого так быстро. Потому что ловушки взаимосвязаны, и закрыть одну из них можно лишь после того, как открыта следующая.

Шорох и легкий скрип раздались совсем близко, узкий кусок стены с неровными краями словно утонул в камне, открывая проход, проверить который и шла глупышка, резко изменившая свое намерение после сделанного открытия.

Человек, уверенно шагнувший из прохода, всего секунду постоял в темноте, потом приоткрыл свой фонарь, осветил ближайший кусок стены и, подцепив ножом один из камней, открыл небольшую дверцу, за которой скрывался запирающий потайной ход рычаг. Кусок стены вернулся на место, а мужчина, которого Эста жадно рассматривала и старалась запомнить как можно точнее, торопливо направился туда, откуда недавно пришла девушка. Время от времени он подсвечивал себе дорогу фонарем, и в свете этих коротких вспышек девушка окончательно убедилась в своих предположениях.

Кто еще может так свободно бродить по дому в самую глухую ночную пору, — усмехнулась монашка, всего через пару секунд неслышно скользнув следом, — ну, разумеется, те самые люди, которые призваны хранить покой этого дома.

Перед самым выходом из коридора незнакомец на несколько мгновений замер, прислушиваясь, и в этот момент Эсте ничего не стоило применить одно из тех средств, которыми ей полагалось пользоваться в своем втором ремесле, тихони. Никто из сестер не

отказывался при случае воспользоваться чем-то из арсенала остальных ремесел, все, что могло помочь в работе или спастись, имело право на применение.

Несомненно, будь тут кто-то из королевских дознавателей или ищеек, он бы так и сделал, метнул во врага смазанной снотворным зельем иглой или даже дротиком, и уже через час преступник висел бы в подвале на крючьях и рассказывал все, что знает и не знает. Однако девушка даже не шевельнулась. Накрепко затверженное правило сначала тщательно изучить все действия врага, а только потом принимать решение, удержало ее на месте. И понимание, что вряд ли враг действует в одиночку. Да и методы королевских палачей были ей до омерзения ненавистны.

Поэтому Эста спокойно проводила взглядом торопливо направившегося к лестнице мужчину в амуниции стражника и тенью проскользнула в ту часть полуподвала, где была кухня.

И вскоре уже уверенно входила в просторное, пахнувшее пригорелым маслом и луком помещение, освещенное одинокой лампой.

— Какая встреча, — едко приветствовал ее голос Змея, сидевшего за столом перед блюдом с остатками жаркого и кружкой горячего отвара, — неужели вы проголодались?

— Нет, соскучилась. — Эста ответила так вовсе не в шутку, сейчас девушке было не до иронии.

Людам, знающим тайну потайного хода, ничего не стоит заманить туда этого самоуверенного сердцееда, и тогда герцог останется без лучшего и самого преданного друга.

— Очень заманчиво звучит, — коварно ухмыльнулся граф, хотя следовал в этот момент скорее привычке, чем горячему желанию обольстить эту колючку.

Монашка невозмутимо села на соседнее место, взяла с блюда кусочек мяса и задумчиво откусила, решая, как поступить и сколько можно рассказать Дагорду сейчас, а сколько оставить на потом. И с унынием пришла к выводу, что говорить пока нельзя ничего. Судя по резвости, с какой граф взялся наводить порядок в замке, он всего в одном шаге от ловушки. Да вообще удивительно, как еще до сих пор туда не попал.

И раз так, то у нее остался единственный способ его отвлечь от этой мысли, тот самый, который она оставляла на самый крайний случай.

— Мне льстит, — кокетливо стрельнув глазками, лукаво заявила глупышка, — ваше заявление. Хотелось бы верить, что вы на самом деле так считаете.

— Конечно, считаю. — Змей отшвырнул недоеденный кусок и, загадочно-насмешливо глядя на девушку, тщательно, как бы в предвкушении, вытер салфеткой руки, в этой игре он был далеко не новичок. — И очень надеюсь... что вы не шутите.

Не отводя взгляда от лица Эсты, граф осторожно придвинулся ближе, легко провел пальцем по ее скуле, проверяя, не начнет ли она язвить или сердиться. Хотя догадывался, что испугать глупышку вряд ли удастся, зато от нее вполне можно ждать самых непредсказуемых поступков.

Однако девушка не смеялась и не возмущалась, и Змей, склонившись к ее лицу, сначала осторожно коснулся губами ее виска, затем уголка неожиданно теплых и трепетных губ и, наконец, приник к ней в смелом поцелуе.

— Эста... — начиная подозревать, что едва не попался, шепнул граф через минуту, точно определив, что в этом деле она совершенно неопытна, — мне показалось... что вы до сих пор никогда не целовались с мужчинами.

— Ну да, — честно кивнула она и доверчиво положила голову ему на плечо, в душе искренне веселясь над странным изумлением Змея. Он что, не знал, что в женский

монастырь Святой Тишины настрого закрыт вход для любых представителей сильного пола?!

— Но как это могло быть? — искал подвох граф, по-прежнему обнимая девушку за плечи, но больше не делая попыток ее поцеловать.

— Ну, неужели вы могли подумать, что в монастырь могут каким-то образом попадать мужчины? — насмешливо осведомилась Эста, упорно не отодвигаясь от широкой груди графа.

Оказывается, это действительно приятно, когда тебя вот так крепко обнимают и горячо целуют. Возможно, и все остальное ей понравится... не зря же некоторые сестры так рвались побыстрее освоить ремесло и уйти из монастыря.

— Но вы ведь не всегда жили в монастыре? — с мягкой настойчивостью продолжал выпытывать граф.

— Когда я жила не в монастыре, мне было двенадцать лет, — нехотя сообщила глупышка.

— А сколько вам сейчас? — что-то мысленно подсчитал Змей.

— Ну, вот уж это возмутительно! Такие вещи у женщин не спрашивают.

— Как выяснилось, вы не женщина.

— А кто? Мужчина? Или вообще — эльф? Ну, ведь не гоблин! — всерьез заинтересовалась Эста. — Неужели вы считаете, что это обстоятельство делает меня хуже остальных? Ну, в таком случае идем ко мне в спальню, и вы мне поможете устранить этот недостаток!

— Эсталис... — В голосе графа прозвучала вежливая непреклонность. — Давайте я провожу вас до вашей комнаты, и мы забудем про события последних минут. Я очень сожалею, но поступить так я не смогу, потому что буду потом презирать сам себя.

— Хорошо, — легко согласилась глупышка, — проводите.

Граф снисходительно усмехнулся, похоже, девушка искренне считает, что он растает, едва окажется у дверей ее спальни. Смешно. Какая она все-таки наивная, несмотря на несомненно высокое мастерство ищейки. Хотя у них это называется — глупышки.

По лестнице граф вел монашку, чуть приобняв за талию, успокаивая собственную принципиальность двумя весомыми доводами. Во-первых, они заключили договор на легкий флирт, а во-вторых, опытные ладони мужчины не нащупали под тонким полотном халата ничего похожего на оголенное тело. Напротив, там было надето что-то столь плотное, что Змей исподтишка веселился, представляя, как ему пришлось бы потрудиться и сколько открытий сделать, прими он ее предложение.

Однако он и близко не подозревал, что это были бы за открытия.

Стражник, стоящий возле статуи, невольно вытянулся, узнав шедшего по лестнице мужчину, а при виде того, как по-хозяйски тот обнимает новенькую чтицу, в душе воина пророс робкий росток надежды, что его дежурство окажется не таким уж сложным.

— Спокойной ночи, — с невольным сожалением пробормотал Змей, когда монашка взялась за дверную ручку, убирая руку с ее талии, и осекся, наткнувшись на уверенный ироничный взгляд девушки.

— Войдите в комнату, Дагорд, мне нужно сказать вам нечто важное.

И девушка распахнула перед графом створку ровно настолько, чтобы он мог пройти. А едва мужчина нерешительно шагнул внутрь, в глубине души кляня себя за эту неуверенность, Эста проскользнула сама, заперла дверь на ключ и сунула его в карман.

— Не стойте, проходите дальше.

Граф нахмурился и сделал несколько шагов, намереваясь пройти к небольшому диванчику, но твердая ручка подтолкнула его к широкой кровати, и в тот же миг Дагорд почувствовал легкий укол в лопатку.

— Что это такое?! — вмиг рассвирепев, обернулся Змей и обнаружил, что монашка, приподняв подол халата, удирает в проход между окном и кроватью, явно намереваясь достичь массивной дверцы стоящего в углу гардероба.

Какой-то древний инстинкт, предписывающий ни в коем случае не упускать убегающую добычу или ускользающих женщин, подсказал Змею самый короткий путь, и он стремительно ринулся наперерез, не обращая внимания на стоящую на пути кровать. Два прыжка — и мягкие перины просели под ловким телом, но девушка успела свернуть к изголовью, скрытому тяжелыми складками балдахина. Граф мгновенно свернул в ту сторону, втайне предвкушая победу.

Однако тело вдруг стало непослушным и невыносимо тяжелым, и, вместо того чтобы схватить за руку глупышку, Змей стиснул в кулаке угол обшитой прошвой подушки.

— Ну вот, как я и намечала, точно на месте, — спокойно поворачиваясь к лежащему на постели мужчине, удовлетворенно пробормотала Эста, — сейчас переоденусь и сниму с вас колет и сапоги, а то не отдохнете, а намучитесь.

Графу страстно хотелось сказать коварной интриганке, что никогда не простит ей такой подлой выходки, но его глаза сами закрылись, и беззлая тьма накрыла мир мягкой лапой.

Конец ознакомительного фрагмента